

Анна Рэй

Муж из прошлого

ИДДК

Анна Рэй

Муж из прошлого

«ИДДК»

2021

Рэй А.

Муж из прошлого / А. Рэй — «ИДДК», 2021

Отправляясь на экскурсию в музей-усадьбу, Катя Круглова не могла и представить, что перенесется из двадцать первого века в девятнадцатый в поместье графа-ученого. Фантастика? Реальность! Правда, путешествие напоминает сон, муж из прошлого спит и видит, как избавиться от неожиданной супруги, а лучшие подруги спешат на помощь, преодолевая время и расстояние. Но к трудностям нашим девушкам не привыкать. Девятнадцатый век? Освоятся! Машина времени? Изучат! Высокомерные аристократы? Очаруют, соблазнят и укротят!

© Рэй А., 2021

© ИДДК, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Рэй

Муж из прошлого

Возрастные ограничения 16+

© Рэй Анна

© ИДДК

Часть первая

Глава 1

Осень. Наши дни. Москва

Катерина сидела на подоконнике, удобно устроившись среди мягких подушек, и смотрела в окно. В этом году октябрь столицу погодой не баловал: на улице – слякоть, с неба сыпал то ли дождь, то ли мокрый снег, а туман накрыл город похлеще лондонского. Но непогода совершенно не портила вида. Собственно, ради этого вида Катя и приобрела на Малой Грузинской маленькую двушку с газовой колонкой, крошечной кладовкой и такого же размера кухонькой. Обзор на старые московские дома и улочки компенсировал все неудобства. Катя словно переносилась в прошлое, представляя, что живет в конце девятнадцатого века, снимает комнаты в одном из доходных домов и частенько любитесь столичными дворишками. Правда, сейчас ей приходилось прикрывать один глаз, чтобы не видеть справа шпиль уродливой новомодной высотки и не лицезреть стеклянную стену торгового центра, который внезапно вырос по соседству. Куда лучше представлять, как за окном чинно прогуливаются горожане в элегантных нарядах, тихо стучат копыта лошадей и шуршат колеса экипажей, громяют по рельсам трамваи... Интересно, в Москве конца девятнадцатого века уже ходили трамваи?

Катя отвлеклась от созерцания городского пейзажа и перебралась на кровать, где были разложены книги и карты. Подхватив справочник о московской жизни девятнадцатого века, она принялась увлеченно листать страницы и наконец отыскала нужные данные. Автор утверждал, что первые конные трамваи появились в нынешней столице в 1872 году. Это что же получается: вагоны по рельсам тягали лошади? Катерина возмущенно фыркнула. Она была девушкой любопытной, с прогрессивными взглядами, интересовалась историей любимого города, особенно альтернативной. Окажись она в девятнадцатом веке – все бы лично разведала и выяснила! Наверняка у них там не то что трамваи и паровые машины, но и машины времени были! Но историки все скрывают. А на самом деле случилась глобальная катастрофа, и следы ушедшей цивилизации занесло глиной. Или нет!.. Всему виной мировая революция. Ведь сколько зданий и заводов разрушено, сколько книг и мемуаров утеряно! А может... Катя вскинулась и в ужасе округлила глаза: а может, в девятнадцатом веке мир захватили рептилоиды и это они переписали историю? Вот не зря у начальника отделения банка, где ей отказали в кредите, фамилия Ящеров – явно прямой потомок. И внешность соответствующая. Катерина хмыкнула и тут же тяжело вздохнула: как на самом деле жили предки, современники Толстого и Достоевского, а не книжные герои, доподлинно не узнать. А очень хочется...

Катя бросила заинтересованный взгляд на книгу в красной обложке с увлекательным названием «Как было на самом деле», но ее вниманием завладела другая – распечатанная на домашнем принтере самиздатовская брошюрка «Загадочные явления в старинных усадьбах и поместьях». Удобно устроившись на постели, она принялась с интересом изучать труд неизвестного автора. Катерина выдернула из пучка карандаш, и свет от лампы тут же заиграл золотистыми бликами в рассыпавшихся по плечам волосах. Девушка на пару секунд замерла, разглядывая свое отражение в зеркале трюмо. Увы, яркой красавицей она не была. По крайней мере, не в том смысле, который вкладывали в это понятие современные журналы и фильмы. Рост у нее средний, правда, фигура со всеми нужными изгибами. Губы, по нынешним меркам, самые обычные, не африканский размер. Зато примечательной чертой в ее облике были глаза цвета небесной лазури в обрамлении пушистых темных ресниц. А если добавить косметику, да встать на высокие каблуки... Катя отмахнулась от собственных мыслей. Возможно, живи она в

девятнадцатом веке, то без всяких «если» и «но» была бы первой красавицей. В современном же обществе ее считали самой обычной.

Вновь уткнувшись в книгу, девушка тут же позабыла о стандартах красоты двадцать первого века. Сейчас ее больше волновал век девятнадцатый.

– Так-так-так... – пробормотала она, пробегая глазами по строкам. – Самарская область... развалины старой усадьбы... Нет, развалины мне ни к чему. А что это у них там в Хрущевке? Или в Хрящевке... Поместье в стиле замка-шато, восстановлено в начале двухтысячных по чертежам девятнадцатого века... Любопытно... – протянула Катя и поставила на полях восклицательный знак. – На первом этаже замка располагается музей, на территории пруд, разбит большой парк, рядом заброшенная часовня, в которой жители не раз замечали мистическое свечение... Вот туда-то мне и нужно!

Катерина поставила на полях еще два восклицательных знака и улыбнулась, предвкушая, как она ворвется в часовню и исследует каждый кирпичик старинной постройки. И разберется с мистическим свечением.

Решив продолжить изучение графских развалин, Катя обратила пылкий взор на карту местности и принялась составлять маршрут. Через два часа путешественница мирно посапывала, откинувшись на подушки и накрыв лицо картой. Кате снился прекрасный замок с роскошной спальней, бордового цвета обои с золотым тиснением и тяжелые темные гардины создавали интимную обстановку. Она словно увидела со стороны, как лежит на кровати под балдахин в фривольного вида сорочке, а незнакомый темноволосый мужчина склонился над ней. Катерина не сдержала стона, когда незнакомец принялся прокладывать дорожку из легких поцелуев от шеи к груди. Она предвкушала, как губы таинственного любовника опускаются ниже, и выгнулась в ожидании удовольствия... Но ничего не произошло. Девушка приоткрыла один глаз и обнаружила, что рядом никого нет. Более того, шикарный будуар исчез, а она по-прежнему находилась в своей маленькой спальне, раскинувшись на кровати в позе звезды. Вместо полупрозрачной сорочки с кружевами на ней был домашний велюровый костюм, карта противно шекотала нос, а на груди вздымался игрушечный медвежонок Вася.

– Мне срочно нужен отпуск. А еще муж, – сонно пробормотала Катя.

Медвежонок смотрел на хозяйку немигающими глазками-пуговками и молчаливо соглашался. Зевнув, Катерина перевернулась на бок, подкладывая игрушку под щеку.

– Вот бы отметить Новый год в каком-нибудь старинном поместье девятнадцатого века... – Катя мечтательно улыбнулась. – А не махнуть ли в тот замок? Наверняка там и потомок графа найдется – высокий, темноволосый, угрюмый и ужасно одинокий. Все, как я люблю!..

И Катерина прикрыла веки, погружаясь в сладкие грезы о графе и мечтая о фантастическом путешествии в Хрящевку.

Глава 2

Октябрь 1889 года. Москва

Граф Томас Генрихович Кошкин-Стрэтмор трясся в экипаже по припорошенному снегом городу, отбивая пальцами нервный ритм и недовольно хмурясь. В Париже, откуда он недавно вернулся со Всемирной выставки, стояла чудесная теплая погода, а в Москве в этом году снег выпал уже в конце октября. Хотя какой это снег? Так, сплошное недоразумение. Грязно-серое месиво на мостовой возле Сухаревой башни лишь затрудняло движение, да еще власти додумались пустить по центру города конки. И когда успели столько новых маршрутов проложить? Правда, московские старожилы утверждали, что сызнова пути не прокладывали, а потихоньку откапывали после последнего наводнения и грязевого потопа¹. Тогда вода с размытой глиной поднималась почти на четыре сажени: не то что дороги и рельсы, а и первые этажи домов занесло. Богачи старались покинуть подтопленный город и разъезжались на время кто куда. В основном, конечно, в глубинку, в родовые поместья, или в Европу, которую многие считали вторым домом. А вот родители Томаса, наоборот, в те годы перебрались из Лондона в Самарскую губернию.

Увы, его матери, Елизавете Кошкиной, так и не удалось покорить лондонский бомонд. Кое-кто еще помнил танцовщицу Лизоньку, блиставшую в балете «Маркитанка» на сцене Королевского театра, и не позволял забыть об этом высшему обществу. Графу Генри Стрэтмору, страстно влюбленному в супругу и женившемуся, вопреки воле родителей, на русской танцовщице, пришлось покинуть родину и сперва переехать с женой в Париж, где общество более терпимо к подобным мезальясам. Но после того как во Франции в семидесятом году случилась очередная революция, граф с супругой отбыли в Российскую империю – на историческую родину Елизаветы Андреевны Кошкиной. Граф выгодно вложился в предприятие по строительству частной железной дороги и возвел в Самарской губернии родовое поместье в стиле французского замка-шато.

Сын графа Стрэтмора, Томас, бывал в Москве и в Хрящевке наездами, но после смерти отца осел на исторической родине матери. И теперь Томас Генрихович любовался видом православного собора, одновременно крестясь и чертыхаясь на медлительность «рысаков» и нерасторопность лихача, который взял с него целых два рубля и намеренно плутал, явно посчитав графа за иностранного гостя. Благо экипаж вскоре проехал каменный мост и царский зверинец, за ним показался Вдовый дом с величественными колоннами, а там и Пресненские пруды. Наконец наемный экипаж въехал в ворота трехэтажного особняка, принадлежавшего графу Алексею Петровичу Шубарину, ставшему Томасу закадычным другом. Шубарин был человеком светским и в то же время хватким дельцом. Он добился успехов не только на государственной службе, но и заслужил определенное уважение среди фабрикантов. А тайной страстью Алексея Петровича была наука. Именно она и сдружила столь разных мужчин, объединив общей целью: они мечтали создать уникальные механизмы и подчинить время.

Уже через четверть часа на втором этаже в кабинете Шубарина горел свет, а в окне можно было различить мужской силуэт. В камине довольно потрескивал огонь, наполняя комнату приятным теплом и запахом смолы. Томас Генрихович расположился в кресле с бокалом отменного скотча, который хозяину дома в знак расположения прислал муж двоюродной сестры, герцог Аргайл.

Томас с любопытством рассматривал картину в золоченой раме, лениво потягивая обжигающий горло напиток и вытянув ноги к камину, который редко кто разжигал в Москве в такое

¹ Наводнения в Москве 1855 г. и 1879 г., когда вода достигала отметки более 8 м. – *Здесь и далее примеч. авт.*

время года. С портрета хмуро взирала молодая дама. «Нос слишком длинный, лицо чересчур узкое, цвет волос – мышинный...» – рассуждал про себя граф. Присмотревшись внимательнее, он обнаружил, что фигура дамы явно интереснее лица. Особенно область декольте. Граф Кошкин-Стрэтмор задержал взгляд на груди незнакомки чуть дольше, чем позволял этикет. Хотя какой, к чертям, этикет?! Это всего лишь портрет, и он в комнате один.

– Какого лешего Алекс повесил эту девицу в откровенном платье в своем кабинете? – недоуменно пробормотал Кошкин-Стрэтмор, с раздражением отвернувшись от портрета незнакомки и переводя взгляд на огонь в камине.

Приглушенный свет обозначил резкие, даже грубоватые черты лица графа: крупный нос, твердый подбородок, четко очерченные губы. Кошкина-Стрэтмора определенно можно было бы назвать красавцем, если бы не жесткий взгляд глубоко посаженных глаз, смуглая кожа и волосы, стриженные не по моде. К сожалению, в этом сезоне и в Англии, и в Российской империи в свете блистали утонченные юноши со светлыми кудрями, хрупким телосложением и узкими запястьями. Этим граф Кошкин-Стрэтмор похвастаться не мог. Томасу Генриховичу с его русскими и шотландскими корнями явно не тягаться с болезненного вида молодчиками. А регулярные занятия боксом лишь усугубляли и без того атлетическое сложение. Скорее, он был похож на шотландского воина, чем на изнеженного аристократа.

По большому счету, вопросы внешности и моды несколько не волновали Томаса Генриховича. Его могли взволновать лишь чертежи нового проекта. После посещения Парижской выставки вдохновленный граф Кошкин-Стрэтмор последние три недели практически не выходил из московского особняка своего друга, работая над расчетами новой машины. Ну и попутно скрывался от матушки. А все почему? Потому что вдовствующая графиня Елизавета Кошкина-Стрэтмор окончательно и бесповоротно решила, что сыну в его тридцать два пора жениться. Сперва Томас сбежал из родового поместья в Хрящевке, чтобы прекратить постоянные разговоры о браке и детях, и вот теперь мать наведалась в московский особняк, что делала крайне редко. Графу не оставалось ничего иного, как солгать маман, что он задержится во Франции, а самому спрятаться в доме Алексея. И теперь он как никогда был близок к созданию уникальной машины времени. Если экспериментальные запуски окажутся успешными, это будет открытие, которого человечество еще не знало. Это будет триумф! Прорыв!..

В этот момент в гостиную вошел граф Шубарин и самым возмутительным образом отвлек Томаса от мечтаний.

– Что празднуешь? – Хозяин дома насмешливо изогнул бровь, указывая взглядом на полупустой графин. – Ты завершил расчеты? Тогда пора приступать к опытам. Надеюсь, мы сможем использовать заброшенную часовню на окраине твоего поместья в Хрящевке?

– Заброшенный склад, ты имеешь в виду, который прежний хозяин земли пытался приспособить под часовенку? Разумеется, – отсалютовал бокалом граф Кошкин-Стрэтмор. – Расчеты почти готовы, мне осталось совсем немного. Я устал работать взаперти, а вылазки в экипаже не помогают. И вернуться домой не могу, мать засела в городском особняке, словно борзая в ожидании дичи.

– Да забудь ты хоть ненадолго о своей мамаше и ее планах! Давай лучше решим, чем займемся вечером, – предложил Алексей Петрович, присаживаясь рядом с другом. – Может, сходим в театр?.. Нет, там наверняка будут шпионки твоей матушки. Тогда посетим Английский клуб?

– После того как в клуб проникла переодетая женщина, это может быть рискованно, – поморщился Томас.

– Согласен. Уединись с таким «джентльменом» в кабинете на партию в бридж, а потом будешь вынужден жениться!

– Куда катится мир?! Одиноким мужчинам негде скоротать вечер в Москве! Даже посещение закрытого клуба может стать опасным, – искренне возмутился граф Кошкин-Стрэтмор.

– Тогда предлагаю посетить заведение мадам Фруже, уж там мы точно не встретим знакомых твоей матери. Очаровательные нимфы скрасят наш досуг... – и граф Шубарин мечтательно вздохнул.

– Мимолетным интрижкам я предпочитаю постоянную спутницу, – категорично заявил Томас.

– То-то твоя постоянная любов... спутница сбежала, – ухмыльнулся Алексей. – Признайся, Том, чертежи тебя волнуют больше, чем женщины.

– И я в этом не одинок. Давыдов тоже не женился... Пстой-ка! – восторженно воскликнул Томас. – А ведь твоя вдова от тебя сбежала? – Граф подмигнул другу: – Иначе ты бы не пользовался услугами очаровательных нимф.

– Знаешь, Том, несколько месяцев воздержания сильно сказываются на моем здоровье. Я вдруг начал яростно вступать в политические дискуссии, рассорился с членами клуба, скрываю от начальства наши с тобой научные опыты. Раньше я себе подобного не позволял, – сердито пробурчал Шубарин.

– Как я тебя понимаю, – согласился Томас и бросил взгляд на портрет незнакомки в платье с вызывающим декольте. – Но, увы, нимфы мою проблему не решат. Я не смогу вечно прятаться от матери. Боюсь, меня спасет только женитьба. Но именно этого я избегаю. Дилемма.

– Твою дилемму легко решить. – Алексей Шубарин удобно устроился в кресле и потянулся к графине с остатками скотча. Налив в фужер напиток и сделав глоток, он закинул ногу на ногу и принялся рассуждать: – Можно найти скромную бесприданницу и быстро скрепить ваш союз – настоятель храма, что расположен на территории моего поместья, многим мне обязан. Как и наш посол во Франции.

– Этим надо воспользоваться, – оживился Томас и перевел взгляд на портрет, махнув рукой в сторону нарисованной дамы с неприлично глубоким декольте: – Кстати, кто там изображен?

– Любовница моего прадедушки... Какая-то русская графиня. В свое время уехала во Францию, разбив моему предку сердце... – Граф Шубарин хотел еще что-то добавить, но Томас его перебил:

– Алекс, а возможно ли быстро заключить брак?

– С моими связями возможно не только оформить брак, но и выправить документы, – самодовольно кивнул собеседник и заинтересованно посмотрел на приятеля. – И кого же ты присмотрел в невесты?

Томас стремительно поднялся с кресла, подошел к портрету и наклонился, вчитываясь в надпись на раме:

– Катерина Лопух... или Лобужинская? Подпись неразборчивая. Да и какая разница! Если все пойдет, как я задумал, то уже через несколько дней она станет графиней Екатериной Кошкиной-Стрэтмор.

– Она?! Фиктивная жена? – вскрикнул Шубарин и поднялся с кресла. Он подлетел к приятелю и ткнул пальцем в лоб любовницы прадедушки. Томас ревниво убрал руку Алекса от портрета и нежно погладил нарисованное декольте. – Это даже не жена, а картина! – возмущался Шубарин. – Ты не сможешь представить супругу обществу! А что случится, когда ты передумаешь? Как ты с ней разведешься?

– Да не буду я с ней разводиться, – проворчал граф. – Сделай бумагу о браке, а с остальным я разберусь. У жены могут оказаться большие родственники или слабое здоровье, по легенде она будет долго и счастливо жить в какой-нибудь французской глубинке вдали от мужа. Это даст мне передышку от матушки на несколько месяцев, а может быть, и на несколько лет. Мы спокойно закончим научные опыты, а там... там что-нибудь придумаем. Россия далеко: пока мнимая жена доедет – или разбойники нападут, или медведи сожрут. И я, мой друг, останусь безутешным вдовцом!

Граф Кошкин-Стрэтмор довольно хмыкнул, с любовью посмотрев на длинноносую девицу на портрете.

– Томас, ты безумен! Эта дама уже лет семьдесят как покоится на Пер-Лашез, – вздохнул Алексей и покосился на ухмыляющегося друга: – Впрочем, поступай как знаешь. Документы о браке я тебе исправлю.

Глава 3

Декабрь 1889 года. Хрящевка

Вдовствующая графиня Елизавета Андреевна Кошкина-Стрэтмор готовилась к встрече с сыном и невесткой в своем загородном поместье в Хрящевке. Томас сообщил матери, что женился. Внезапно и очень своевременно. И теперь обещал представить ей молодую супругу – Екатерину Лопухинскую? Лобужинскую? Это уже неважно. Она все равно теперь графиня Кошкина-Стрэтмор. Катенька, значит.

Пожилая женщина смахнула навернувшуюся слезу. Удивительное дело, оказывается, ее скрытный сын этой осенью познакомился на выставке в Париже с русской дворянкой, потерял голову и тайно сочетался браком. Разумеется, мать немного злилась на Томаса – все-таки графиня рассчитывала, что свадьба состоится в родовом поместье, которое построил покойный муж. Эх, сколько усилий она приложила, знакомя Томаса с дочерьми соседей и подруг! Но все позади: тревоги, увещевания, ссоры. Уже сегодня сын представит молодую жену. В честь этого радостного события графиня организовала праздничный семейный ужин из семи переменных блюд, и это без антре и десерта. Елизавета Андреевна была счастлива, что ее Томас наконец-то остепенился. Да пусть и дальше занимается своими научными опытами вместе с безумным другом графом Шубариным и не менее сумасшедшим соседом графом Давыдовым. Основное дело сделано – сын женат, а у нее появятся внуки!

Томас Генрихович Кошкин-Стрэтмор, как только прибыл в родовое имение и переоделся, тут же проследовал в столовую, где его поджидала мать. Как же он соскучился по домашней перине и по стряпне местной кухарки! У Шубарина, нужно заметить, отвратительный повар, хоть и француз. Перед входом в столовую граф мысленно перекрестился. Предстоит еще одна битва с матерью, и если ему удастся убедительно разыграть карту, он будет свободен несколько месяцев, а может, и лет.

Кошкин-Стрэтмор вошел в просторное помещение, оформленное в английском стиле. Звук его шагов мягко тонул в толстом ворсе ковра. На стенах в позолоченных рамах висели портреты предков, безмолвно приветствуя потомка. В руках Томас тоже держал портрет.

Графиня-мать восседала на своем привычном месте. Сын улыбнулся матери и, наклонившись, поцеловал в щеку. Он заметил, что женщина принарядилась – надела новое платье из синего бархата и гарнитур с сапфирами, который ей дарил ныне покойный муж. Чуть поодаль, скромно потупив взор, сидела компаньонка матери, мисс Нора, выписанная из Англии и свободно изысняющаяся по-английски и по-французски, немного по-немецки и с трудом по-русски. Бледная кожа, светлые волосы и белесые брови делали тридцатилетнюю деву похожей на бестелесный призрак.

Как только граф занял место во главе стола, все тут же пришло в движение: слуги Макар и Федор засуетились, наливая суп в тончайший фарфор и наполняя вином и наливкой хрустальные фужеры, дородная Агафья обходила господ с подносом, на котором была расставлена закуска. После третьей перемены блюд Елизавета Андреевна попыталась задать сыну вопрос о невестке, но тот настоял, чтобы все разговоры состоялись после.

Спустя полчаса, откушав утку, фаршированную рыжиками, и поймав недовольный взгляд матери, Томас тяжело вздохнул. Настало время для объяснений.

Вдовствующая графиня попросила прислугу удалиться, и как только те вышли, изумленно подняла бровь и повысила голос до визга:

– Тоша, где Катенька? Она что, приболела и не спустится к ужину? Или ты приехал один?!..

– Мама, может, попробуем десерт, а потом я тебе все объясню? – предложил граф.

– Я так и знала, что ты опять меня обманул! – взвизгнула графиня так, что хрустальные бокалы задрожали. – Никакой жены нет и в помине!

Женщина отбросила салфетку и резко отодвинула фужер, а на скатерти расплылось кровавое пятно от вина. Беседа с матерью не предвещала графу ничего хорошего.

– Томас, ты столько раз мне обещал, что женишься! – истерично завопила графиня. – Сколько раз ты сбегал с организованных мной приемов? А сколько раз ты придумывал несуществующих невест? А твои несостоявшиеся помолвки по договоренности? Ты даже подкупил семейного доктора, чтобы тот убедил меня, что ты бесплоден и наследников не будет. Но я все равно узнала правду. Что ты задумал на этот раз? Я не намерена больше терпеть обман!

Губы женщины задрожали, компаньонка засуетилась в поисках нюхательной соли, а Томас встал и подошел к матери. Обнял ее за плечи и поцеловал в макушку.

– Матушка, успокойтесь. В октябре я действительно встретил в Париже на выставке прекрасную девушку и женился. Все произошло слишком быстро...

– Я это уже слышала!.. – всхлипнула графиня, отворачиваясь от сына. – А где доказательства?

Томас достал из кармана тисненый лист с солидной печатью и протянул матери:

– Здесь запись о браке, сделанная в русском посольстве в Париже, ниже выписка из церковной книги. А это моя Катенька, – проникновенно добавил Томас, демонстрируя портрет, который он снял со стены в кабинете Шубарина.

Граф заметил, как мать напряглась, пристально всматриваясь сперва в документ, а затем и рассматривая невзрачную девушку на портрете.

– Мы только успели обменяться кольцами и клятвами, как в тот же день Кэтрин сообщила, что ее отец серьезно заболел и она не сможет отправиться со мной в Российскую империю, – самозабвенно врал граф.

– Так то было на свадьбу, ты мне писал. А что же теперь случилось? Ты обещал, что привезешь супругу к Рождеству! – прищурилась графиня, почуяв подвох.

– Обещал. Но теперь заболела сама Кэтрин, – нашелся граф. – Надеюсь, что жена приедет в Хрящевку на Пасху.

– Только весной? – раненой птицей прохрипела графиня.

– Пока оправится от болезни, да и путь из Европы в Самарскую губернию неблизкий.

Граф неоднократно репетировал речь перед Алексом и сейчас демонстрировал нераскрытые доселе актерские таланты, отвечая на вопросы матери быстро, уверенно и с чувством.

Вдовствующая графиня смахнула кружевным платочком выступившие на глазах слезы и вперила взгляд в портрет. Наконец она скупно улыбнулась:

– Это правда, Томас? Ты действительно женился на русской? Или она все же французка? Расскажи мне подробнее о ее родителях.

– Тебе не о чем волноваться, я на самом деле женат, – уверил женщину сын и припал к материнской руке. – Разве я мог бы выдумать подобное? А о семье жены я и сам мало что знаю: русские дворяне, давно живут во Франции.

– А на каком языке вы общались с женой? – насторожилась графиня. – У тебя же неважный французский, а она наверняка плохо говорит по-русски.

– Мы с ней говорили на языке любви... – Мать недовольно нахмурилась, и граф поправился: – В основном общались по-английски. Кэтрин немного знает язык, – продолжал импровизировать Томас.

Он постарался улыбнуться. Но улыбка почему-то напоминала оскал. Мать же переключила внимание на документ, протянув его компаньонке:

– Нора, дорогая, силь ву пле²! Не могла бы ты прочитать, что там написано? Что-то я без очков ни бельмеса не разберу.

Вперившись в бумагу и сощурившись, компаньонка важно произнесла, коверкая русские слова и сдабривая их иноземными:

– Сертификейт³ о брак этого гада... сорри, года... графа Томаса Кошкина-Стрэтмора и Екатерины Лопух... Кэтрин Стрэтмор. Вэдинг церемони⁴ прошьел в Амбасад ан Франс⁵, запись в мьетрик бук имьеется...

– В какой книге-то запись о браке? – полюбопытствовала вдовствующая графиня.

Нора, вероятно, столкнулась со сложным непереводаемым названием и вернула документ Елизавете Андреевне, ткнув пальчиком в последнюю строку.

– Вижу-вижу. А что же, поручителем граф Шубарин выступил? – нахмурилась графиня.

Томас подивился тому, что подслеповатая мать сразу углядела фамилию его сообщника, и тут же отобрал у нее документ, опасаясь, как бы графиня еще чего ненужного не разглядела. И предпочел привлечь внимание Елизаветы Андреевны к портрету своей «супруги»:

– Как тебе моя Кэтрин?

– Симпатичная, – с сомнением в голосе проговорила графиня-мать. – Наверное, тебя в ней глаза привлекли.

– Глаза в первую очередь, – подтвердил граф, покосился на декольте нарисованной дамы и кашлянул.

– Тошенька, я все же попрошу нашего управляющего проверить брачный документ на подлинность.

Очевидно, что графиня все еще сомневалась, верить сыну или нет. Но уже обращалась к нему ласково, называя домашним именем. А это значит, лед тронулся.

– Маман, вы, разумеется, вправе обратиться к Ермолаю Кузьмичу, но ваши подозрения обидны. Чувствую, вы успокоитесь, только когда познакомитесь с моей Кэт, – ответил матери граф, размышляя о том, что путь в Россию тернист, а жена может и не доехать до Хрящевки.

– Поскорее бы уже! – Елизавета Андреевна потрепала сына по щеке и широко улыбнулась: – Озорник! Ну, раз все так, как ты говоришь, можно и к десерту приступить. У нас твой любимый кисель со сливками, оладьи, оплатки...

Граф Кошкин-Стрэтмор с облегчением выдохнул, понимая, что выиграл, пусть не войну, но ожесточенный бой. В любом случае теперь он может спокойно засесть на пару месяцев в Хрящевке и заняться делом. Самое время собрать машину волнового переноса в заброшенной часовенке и приступить к опытам.

² S'il vous plait (*фр.*) – пожалуйста, будь любезна.

³ Certificate (*англ.*) – свидетельство.

⁴ Wedding ceremony (*англ.*) – свадебная церемония.

⁵ Ambassade en France (*фр.*) – посольство во Франции.

Глава 4

Конец декабря. Наши дни. Хрящевка

В селе Хрящевка этим утром было необычайно морозно. Катя уже пожалела, что решила переехать сюда из Самары и остановиться в маленькой домашней гостинице. По сравнению с самарским отелем «Ост-Вест», расположенным в историческом центре города, эта гостиница больше напоминала квартиру, причем коммунальную. Розовое шелковое покрывало и шторы в цветочек явно приобретались еще в девяностых, как и спальный гарнитур. Номер был чистеньким, но сама комната неуютная, старомодная и плохо отапливалась. А чего еще ожидать от двухэтажного, словно вросшего в землю, домишки, постройки неизвестно какого века? Хотя... она приехала не в гостинице просиживать! А Новый год можно встретить в кафетерии местного замка-музея, она как раз видела в рекламной брошюрке объявление. Жаль, подружки, Аня с Гелей, не смогли к ней присоединиться. Но расстраиваться, тем более скучать, Катя не собиралась! Маршрут поездки она составляла сама, как и план экскурсий. В день приезда девушка прогулялась по центру Самары, а на следующее утро отправилась на графские развалины, как она назвала бывшую усадьбу графа Давыдова. Поместье, точнее, то, что от него осталось, производило удручающее впечатление. Памятник архитектуры давно пришел в упадок. Власти реставрацией не занимались, наверняка ожидая, когда постройки окончательно развалятся и большая территория освободится для богатого инвестора. Через два дня Катя переехала в Тольятти – в девятнадцатом веке известный как Ставрополь-на-Волге. Увы, кроме здания старой больницы, расположенного теперь на территории монастыря, от затопленного в середине двадцатого века старинного города ничего не осталась. Жилфонд эпохи застоя и завод – «вершину» отечественной автоиндустрии, осматривать отчего-то не хотелось. А вот в окрестностях города было на что посмотреть: горы и курганы, орнитологический заказник, озеро и заповедник. Природа поражала великолепием.

В селе Хрящевка, куда Катя доехала из Тольятти на такси минут за сорок, за крышами невысоких строений позапрошлого века, однотипных домов советской застройки, за старыми деревенскими избами и новомодными кирпичными коттеджами виднелось то самое поместье в стиле французского замка, ради которого и затевалась эта поездка. За окном падал пушистый снег, на одном из зданий висела растяжка с надписью: «С наступающим Новым годом, хрящевцы!» Елка у входа в какое-то административное здание была украшена золотыми шарами и красной звездой, а на настенном мозаичном панно на фоне трактора был изображен атлетически сложенный мужчина, который указывал вдаль – то ли в светлое будущее, то ли на замок. На территории усадьбы – главного места паломничества туристов – просматривался парк с беседками и заледеневшим прудом. Поодаль виднелась полуразрушенная водонапорная башня и заброшенная часовня из красного кирпича.

– Любопытно, что здесь было в девятнадцатом веке, – пробормотала Катя.

Она быстро оделась, выбрав теплый свитер и длинную шерстяную юбку. Сунув ноги в угги и накинув полушубок, схватила сумку и яркий цветастый платок, купленный в одном из сувенирных магазинов Самары, и поспешно покинула номер.

Уже через каких-то двадцать минут, следуя указаниям путеводителя, Катя достигла цели. Перед ней открывался чудесный вид на величественное поместье, архитектурой напоминающее средневековый французский замок. Снег приветливо искрился на ветках деревьев и заботливо укрывал, словно пушистым ковром, землю. Вдохнув морозный воздух, Катерина взбодрилась и стремительным шагом направилась навстречу приключениям.

На стоянке возле ворот стоял туристический автобус и несколько машин, а у широкой лестницы толпилась малочисленная группа во главе с симпатичной девушкой-экскурсоводом, которая пыталась привлечь внимание ошалевших от красоты путешественников.

– Прошу не отставать! Времени у нас мало. Музей сегодня закрывается пораньше, идет подготовка к новогодним мероприятиям! – строго предупредила гид и повела туристов по каменным ступеням к центральному входу в здание.

Катя раздумывала, стоит ли ей доплатить и присоединиться к группе. Но в итоге решила начать осмотр самостоятельно, тем более времени это много не займет: открыт был лишь первый этаж музея. В брошюре, которую ей всучили вместе с входным билетом, сообщалось, что замок отстроен заново в начале двухтысячных, но полностью повторяет уникальную архитектуру прежнего поместья, которое в семидесятых годах девятнадцатого века возвел в российской глубинке архитектор Рошефор для английского графа Генри Стрэтмора. Будучи влюбленным в русскую то ли балерину, то ли дворянку (на этот счет мнения историков расходились), граф переехал в Россию и построил для любимой жены дом в стиле французского замка. Почему французского? Взгляды исследователей здесь тоже разошлись. По одной из версий, молодую графиню Кошкину-Стрэтмор высший английский свет невлюбил, и им с мужем пришлось переехать во Францию. Там семья была принята довольно радушно. Может, в знак благодарности к французскому народу или по какой-то другой причине, но Стрэтморы построили в Хрящевке настоящий родовой замок-шато, разумеется, с вкраплениями английских и русских мотивов. Краем уха Катя услышала, как экскурсовод из соседнего зала вещала о том, что все та же любовь к Франции подвигла графиню-мать выбрать для своего сына жену-француженку.

Катерина зашла в одну из комнат, оформленную в виде гостиной. Обстановка соответствовала эпохе конца девятнадцатого века, правда, мебель и экспонаты дошли до современников в непрезентабельном виде. Это относилось и к потрепанным временем гардинам, и к затертой ткани на диванах и креслах, и к проплешинам на ковре. Катерина обратила внимание на два портрета, висевших над диваном. На том, что побольше, был изображен темноволосый мужчина с недовольно поджатыми губами и крупным носом. Его мрачный взгляд не сулил гостям ничего хорошего. Подпись гласила, что это сын основателя поместья в Хрящевке, Томас Генрихович Кошкин-Стрэтмор, выдающийся ученый, прогрессор и меценат.

– Какой неприятный тип этот граф, – пробормотала Катя, прочитав имя на табличке.

Девушка на портрете рядом была не лучше: узкое изможденное лицо, длинный нос, пегие волосы, гладко зачесанные за оттопыренные уши. Вот что было выдающегося в девушке, так это ее бюст. Или же художник очень увлекся этой частью тела, или на даме был слишком узкий корсет, который выставил прелести на всеобщее обозрение. Катерина подошла чуть ближе и прочла надпись под портретом: «Графиня Екатерина Кошкина-Стрэтмор».

– Два сапога – пара, – фыркнула Катя и покинула комнату, уверенно проследовав в графскую спальню.

Правда, в прежнем доме, согласно все той же методичке, опочивальня находилась на третьем этаже. Но там сейчас шел ремонт, а страждущим туристам надо что-то показать. Обстановка была воссоздана по воспоминаниям графини-матери, которая вела дневник. Тетрадь чудом уцелела и теперь хранилась здесь же, под стеклом, как величайшая ценность. Катя громко хмыкнула: какие там воспоминания – сплошное перечисление блюд да описание нарядов! Тетрадь в цветастой обложке не вызвала у Катерины особого интереса, в отличие от стен. Эти бордовые обои с золотыми вензелями показались смутно знакомыми. Может, она видела репортаж о замке по телевизору, вот и запомнила? Пожав плечами, девушка проследовала далее.

Проходя по коридору, она заглядывала в комнаты с рыцарскими доспехами, какими-то вазами и безделушками, привезенными старым графом и его сыном из заграничных поездок.

Целая комната была отдана под картинную галерею. Экскурсовод заливалась соловьем, утверждая, что в поместье запросто гостили Репин и Васильев. Художники были дружны с графом, и теперь их работы украшали стены замка. Еще один зал был посвящен дружбе английского графа Стрэтмора с итальянским борцом за свободу Джузеппе Гарибальди. Оба, как оказалось, были членами тайного масонского общества. Кате же показалось, что сотрудники музея натащили экспонатов, какие только нашли, а знакомство графа Стрэтмора с художниками и революционером притянули за уши.

Через пару часов досконального обследования первого этажа Екатерина расположилась в уютном кафе, открытом здесь же, в замке. Отдыхая за чашкой кофе, она рассеянно листала путеводитель и поглядывала в окно. Ее взгляд скользил по заснеженным дорожкам парка и задержался на неказистой постройке, стоявшей в отдалении. «Кажется, та самая заброшенная часовня, в которой жители якобы видели мистическое свечение», – догадалась Катя, и в ее глазах зажегся охотничий блеск. Она подхватила с соседнего стула шубу с сумкой и стремительно сорвалась с места.

Вскоре Катерина торопливо шла по узкой каменной дорожке к полуразрушенной часовне из красного кирпича. Постройка не произвела на Катю должного впечатления – от былой роскоши не осталось и следа. И в то же время в этой безыскусной простоте: в кирпичной кладке, в полукруглых сводах, в потрескавшихся от времени напольных каменных плитах, в узких оконцах – во всем этом ощущалась старина и тайна. У противоположной от входа стены виднелась ниша с низенькой дверцей. Комнатой за этой дверью Катя и заинтересовалась. Приоткрыв на удивление тяжелую дверь, Катерина оказалась в темной камерке без окон. Здесь пахло сыростью, стоял какой-то сундук, на стене рядом с дверью висела проржавевшая от времени странная металлическая конструкция со стрелками и колесиками. Механизм отдаленно напоминал круглую плоскую астролябию, которую Катерина видела пару лет назад в каком-то итальянском музее. Металлический диск был испещрен линиями, символами и знаками.

– Один, восемь, восемь, девять... – пробормотала Катя, рассматривая цифры. – Двенадцать... Может, это месяц? И число... Сегодняшнее...

Катерина хихикнула, а механизм неожиданно пришел в движение, послышался тихий звон, щелчок... Катя ойкнула и отпустила дверь, которую все это время придерживала. Та захлопнулась, не оставляя ни малейшего просвета. А комнату заволочло мягким голубоватым свечением, воздух заискрился. Катю словно раскачивало на волнах. Прижавшись спиной к стене, она прикрыла глаза. Катерина не знала, сколько так простояла, но неожиданно рядом с дверью раздался тихий мужской голос, от которого она вздрогнула. Бояться вроде бы нечего. Все-таки это территория музея, да и экскурсовод, кажется, видела, куда она побежала. Тем не менее выходить из укрытия отчего-то не хотелось.

– Нужно поставить отметку в журнале о проведенном опыте... Мышь благополучно исчезла...

Мужчина, продолжая бормотать, чем-то громыхал, послышалась возня, а затем и торопливые шаги. Катя замерла, стараясь не выдать своего присутствия. Спустя несколько минут она услышала, как входная дверь в часовне закрылась, закрипел засов. Придя в себя, она догадалась, в чем дело. Очевидно, так местные жители и привлекали туристов, имитируя «мистическое» свечение.

Нашупав в темноте дверную ручку, девушка рванула на себя дверь и поспешила покинуть комнату. Она отметила, что в помещении ощущался едва уловимый статический запах. А еще с удивлением обнаружила возле комнаты, где она находилась, два железных столбика. От них тянулись рейки и провода к огромным железным сундукам.

– И когда они успели все это притащить? – хмыкнула Катя.

Подойдя к выходу, она убедилась, что дверь заперта.

– Придется выбираться через окно, – неизвестно кому объявила она о своем решении и, стараясь не паниковать, обратила взор на кирпичи, валявшиеся на полу.

К счастью, разбивать стекло не пришлось, задвижка на раме не сразу, но все же поддалась. В сковывающей движения шубе девушка с трудом забралась на подоконник, протиснулась в узкий оконный проем и спрыгнула на землю.

Катя заметила, что на улице заметно потеплело. Рассматривая кирпичную кладку, она поймала себя на мысли, что с этим зданием что-то не так. Оно выглядело не столь разрушенным, как она помнила. Катерина попыталась отыскать дорожку, по которой сюда пришла, но обнаружила лишь одинокие следы на снегу. А еще заметила, что часовню окружает лес. Странно. Вроде бы и замок, и старые постройки находились в парковой зоне, состоящей из редких деревьев и кустов. Теперь же деревья казались выше, ни реки, ни крыш домов сельчан не видать, а от часовни до усадьбы Катя добиралась гораздо дольше, изрядно поплутав.

Покачав головой, словно отгоняя дурные мысли, Катерина решительно приблизилась ко входу в замок-музей.

Глава 5

Конец декабря. Хрящевка

Не только лесопарковая зона, но и территория возле усадьбы выглядела иначе. Катя отметила, что кусты подстрижены по-другому, а серые камни строения словно кто-то отмыл. С двух сторон от замка появились пристройки, на одной из башенок виднелся флюгер с медным петушком, а окна украшали не только витражи, но и резные наличники а ля рус. Катерины не было час, от силы два, а здесь все неуловимо изменилось. Или уловимо. А может, музей подготовили к празднованию Нового года? Вот работники и расстарались: подстригли кусты, отмыли здание, приладили декорации. Профессионалы!

Приблизившись к центральному входу музея, который тоже выглядел несколько иначе, Катя услышала сдавленный крик. У подножия лестницы стояла высокая худая женщина в темной юбке до пят, в нелепой шляпке и длинной накидке. В руках она держала меховую муфту. Дама во все глаза смотрела на Катю, а затем вскрикнула. Кажется, по-английски. Катерина обернулась, но, никого поблизости не обнаружив, решила, что незнакомка так реагирует на нее.

– И дамочка странная, и одежда. Может, иностранная туристка? – пробормотала Катя себе под нос.

Она предположила, что женщина отбилась от группы и запаниковала. Катерина решила достойно представить страну и поприветствовала незнакомку сперва по-английски, а затем и по-французски. Спасибо родному пединституту и Розамунде Семеновне, преподававшей языки на факультете. Катя не знала, что еще предпринять, поэтому на всякий случай сделала неуклюжий книксен и громко повторила уже по-русски:

– Меня зовут Екатерина. Кэтрин. Я могу вам помочь?

Женщина в ответ лишь всплеснула руками и, крича: «Приехала! Зэтс хё!⁶» – помчалась по ступеням в музей. Вскоре из дома выбежал мужчина, такой же иностранец, как и незнакомка, судя по вишневому бархатному камзолу и нелепым бридгам канареечного цвета. Правда, физиономия у него была самая что ни на есть наша, отечественная. Незнакомца можно было бы принять за лакея, если бы Катя оказалась в девятнадцатом веке. Станный тип стремительно направился к Катерине, а подойдя, склонился в низком поклоне. А затем попытался отобрать сумочку. Этого Катя никак не ожидала. «То орут, то кланяются, словно я важная особа, то вещи хотят стащить», – возмутилась про себя она. Не успела Катерина спрятать сумку за спину и обдумать нелепое поведение иностранных туристов, как из дома вышла худенькая женщина лет шестидесяти в нарядном лиловом платье и ажурной шали. Дама накинула платок на красиво уложенные буклями волосы и устремилась к Кате. За незнакомкой в лиловом наряде едва поспевала та самая понурая девица в нелепой шляпке. Вслед за ними на пороге появились и другие странно одетые персонажи: высокая дородная женщина с красным лицом в длинном платье и фартуке, две девицы в одинаковых серых платьях и чепцах, здоровый лохматый детина в бархатном камзоле, но не в бриджах, а в брюках и в кирзовых сапогах. И слава богу! Еще одни желтые панталоны и гольфы на кривых мужских ногах Катин разум не выдержал бы. Последним из дома вышел импозантный пожилой мужчина с плутоватым выражением лица. На незнакомце были строгие серые брюки, темный сюртук удлиненного покроя и переливчатый шелковый жилет. В руках он нес длинную шубу и, приблизившись, накинул ее на плечи пожилой дамы. Вся честная компания окружила гостью и смотрела кто с благоговением, кто с интересом, а кто и с ужасом.

«Почему они меня рассматривают? Чего хотят?» – недоумевала про себя Катя.

⁶ That's her! (англ.) – Это она!

У нее вдруг закралась одна мысль, но ее нужно было проверить.

Тем временем пожилая особа подбежала к Катерине, неожиданно повисла у нее на шее и принялась рыдать.

За всхлипами девушка едва разобрала слова:

– Катенька, мон шер⁷! Мы так тебя ждали! Так ждали! Тоша сказал, что ты приедешь только весной. Неужели хотел сделать мне агреабле сюрприз⁸? Но что случилось?.. – Дама резко отстранилась и оглянулась: – Где сын? Почему ты одна?! Где экипаж? Где твоя компаньонка? Ах, неужели на тебя напали лю бондит⁹?

Пока дама несла околесицу, Катя окончательно убедилась в своей догадке: она попала на представление!

В прошлом году она стажировалась в Лондоне и подружилась с Марной. Они обе работали в большой международной компании, только Катя – в Москве, а Марна – в Лондоне. Новая подруга рассказала, что в Европе сейчас на пике популярности игра в историческую реконструкцию. Катерина вспомнила, что на родине тоже развлекают публику подобным образом, но в форме квестов или масштабных псевдосражений. А в Англии богачи снимают замки и воссоздают определенную историческую эпоху, разыгрывая целое представление, словно спектакль. Теперь она поняла, почему экскурсовод предупреждала туристов о том, что музей закроется раньше. Видимо, какой-то воротила снял замок, чтобы провести новогодние праздники в духе девятнадцатого века. А так как Катя задержалась в часовне и не успела вовремя покинуть территорию музея, актеры приняли ее за приглашенную гостью. Марна предупреждала, что в подобных квестах надо вести себя естественно, постараться слиться с предложенной исторической эпохой, включиться в игру, и тогда можно дойти до финала и стать победителем. А вдруг в качестве приза ей выплатят солидную сумму? Тогда не придется брать в банке кредит на машину.

Катерина заметила, что женщина в лиловом напряженно вглядывается в ее лицо. Наверное, теперь должна быть Катина реплика. Что ж, так даже интереснее. Такого Нового года у нее еще не было.

Катерина шмыгнула носом и «влилась в эпоху»:

– Да! Я решила сделать сюрприз и приехала раньше срока. Правда, путешествие оказалось опасным. В лесу на меня напали бандиты... то есть разбойники! А компаньонка... она... с ней...

Катя все никак не могла придумать, что же произошло с предполагаемой компаньонкой, но актриса в лиловом пришла ей на помощь:

– Не продолжай, мон шер! Я вижу, как тебе тяжело. Отправлю Ермолая Кузьмича за полицейским урядником, пусть стражники прочешут лес, а тебе надобно в дом, согреться и переодеться. – Дама многозначительно переглянулась с мужчиной в переливчатом жилете, а затем, подхватив гостью под руку, повела в дом, охая: – Как же ты дошла сюда одна? Бедная девочка!..

Худая дама в жуткой шляпке и две юные девицы в чепцах последовали за ними. Полная женщина поторопилась к пристройке, здоровенный детина побежал за угол, а мужчина в желтых панталонах любезно распахнул дверь.

Катерину проводили на второй этаж, который, вероятно, работники музея открыли по случаю проведения квеста. Из сбивчивого рассказа дамы в лиловом стало ясно, что Кате предстоит играть роль русской дворянки, долгое время проживавшей во Франции. По сценарию сын этой дамы являлся Катиным мужем, свадьба состоялась несколько месяцев назад без офи-

⁷ Mon cher (*фр.*) – моя дорогая.

⁸ Agréable surprise (*фр.*) – приятный сюрприз.

⁹ Le bandit (*фр.*) – разбойники.

циального оглашения. Правда, благоверного что-то не видно, так что момент с замужеством нужно еще уточнить. В целом Кате разыгранное актерами представление очень понравилось. Она с интересом слушала о «своих» многочисленных родственниках во Франции, которых ей пришлось выхаживать после болезни, о собственной недавней хвори и о боязни путешествий. Именно все эти неприятные обстоятельства не позволяли новоявленной графине Екатерине Кошкиной-Стрэтмор доехать до Хрящевки к горячо любимому мужу. По словам вдовствующей графини-матери, Томас, или Тошенька, как она ласково называла сына, познакомился с будущей женой на выставке в Париже, страстно влюбился, и молодые тут же принесли друг другу брачные клятвы.

Катя была в восторге! Она наслаждалась спектаклем и тем, как лихо сценарист закрутил сюжет. Наверняка пишет сценарии для исторических сериалов, а на квестах и реконструкциях подрабатывает. Да и художники с костюмерами не подкачали. И какие актеры!.. Как эмоционально произносят реплики! В столичных театрах подобной искренней игры давно не встретишь, здесь явно работает труппа из Самары.

Катерина зачарованно вздохнула, наблюдая за тем, как ее усаживают в удобное кресло, как подносят рюмочку рябиновой наливки «для согрева» и чай с душистым вареньем и мягкими булочками, как девушки-служанки бегут готовить комнату для гостыи и как искренне волнуется тощая белобрысая женщина, которая без уродливой шляпки оказалась очень милой и вовсе не старой.

Станиславский бы сказал: «Верю!»

Катя растрогалась и еще более утвердилась в решении последовать совету английской подруги Марны и подыграть этим приятным людям. Она проникновенно произнесла:

– Как я вам благодарна за заботу! За мою компаньонку не переживайте. Разбойники ее не растерзали. Просто она боится ездить на поездах. Пришлось оставить ее в гостинице. В московской...

Катерина сочиняла на ходу, вспомнив, что вроде в конце девятнадцатого века из Москвы в Самару можно было добраться на поезде. Во всяком случае, в туристической брошюрке было указано, что архитектор этого замка спроектировал в семьдесят каком-то там году девятнадцатого века железнодорожный вокзал в Самаре. Но этот момент стоило бы еще уточнить в Интернете. И неплохо бы узнать, какой точно год прописал для квеста сценарист.

– Ох, такое утомительное путешествие! – посетовала графиня-мать, проглотив историю про компаньонку. – Поездом, пароходом, на перекладных... К сожалению, в наших лесах беспокойно, одинокую девушку везде поджидает опасность. Все же нужно было сообщить о прибытии сыну, он бы тебя встретил. Надеюсь, твоя девичья честь не пострадала?

Катя закашлялась и покачала головой. Разумеется, она не стала говорить, что ее девичья честь пострадала еще в первом и единственном браке, как и гордость – при разводе.

Графиня с облегчением вздохнула и тепло улыбнулась:

– Это главное! А новые наряды мы тебе справим. У нас в Хрящевке мадам Вивьен держит модное ателье. Лё мельё де ля провинс!¹⁰

Графиня оглядела Катю с головы до ног, а та порадовалась, что на ней была длинная юбка, а не брюки. Шубку забрал лакей в желтых панталонах. А свитер Катя предусмотрительно прикрыла цветастым платком. Для приличия Катерина вместе с графиней посокрушалась над пропавшими нарядами и подарками. И громко возмутилась, что «все меха-жемчуга и золото-бриллианты» были похищены негодяями разбойниками.

Вдовствующая графиня Елизавета Андреевна Кошкина-Стрэтмор, а именно так представлялась женщина, деликатно заметила, что разбойники все же оставили кое-какую одежду

¹⁰ Le meilleur de la province! (фр.) – Лучшее в провинции!

и даже шубку. А ведь могли бы совсем раздеть, чтобы не сбежала. Но главное, негодня сохранили Кате девичью честь. Значит, самолюбие ее дорогого Тошеньки не пострадает.

Наконец расспросы закончились, и Катерину отвели в роскошную спальню с бордовыми шелковыми обоями и темной массивной мебелью. Где-то Катя уже видела подобную комнату. Вроде бы на первом этаже? Но пока было не до воспоминаний. По соседству со спальней Катя обнаружила ванную комнату с железной лоханью на когтистых лапах и душем – явная стилизация под прошлый, а то и позапрошлый, век. За ширмой белел ватерклозет, горделиво возвышающийся на постаменте, словно трон. Изящный золотистый шнур призывно свисал с высоко расположенного бачка. Служанка деликатно кашлянула, прикрывая дверь и оставляя Катерину наедине с ее мыслями и потребностями.

Катя привела себя в порядок – причесалась, подкрасила губы и ресницы, на всякий случай проверила содержимое сумки. К сожалению, телефон не работал, сигнала связи почему-то не было. А она уже собиралась позвонить лучшей подруге Ане и рассказать о том, как стала участницей самой настоящей исторической реконструкции. Сделав несколько фотографий спальни и запечатлев чудесные виды из окна, девушка спустилась в гостиную, где ее поджидала Елизавета Андреевна с белобрысой компаньонкой Норой.

А дальше все как-то стремительно закрутилось. Вдовствующая графиня отправила экипаж в Хрящевку за владелицей ателье мадам Вивьен. Та вскоре прибыла вместе с помощницами и ворохом одежды, хотя Катя была уверена, что актриса и костюмерши скрывались в соседней комнате замка. Но Катерина поддерживала игру и несколько часов кряду не без удовольствия примеряла наряды, соответствующие эпохе конца девятнадцатого века. Швея и модистка, которые прибыли с мадам Вивьен, тут же подгоняли одежду по фигуре.

Катерину в выборе никто не ограничивал, и она отложила несколько повседневных нарядов. В основном это были закрытые платья из шерсти и бархата приятных голубых, синих и серых оттенков, украшенные вышивкой, кружевами и тесьмой. Особенно девушку заинтересовало приталенное платье дымчатого цвета с синей кружевной отделкой. Ее даже не смутили многочисленные пуговицы на спине, зато юбка не была слишком пышной, как у остальных нарядов.

Мадам Вивьен одобрительно цокнула языком:

– Манифйкь!¹¹ У вас хороший вкус, графиня. Сразу видно, что вы долго жили во Франции. Это платье прекрасно на вас сидит, пышные юбки и турнюр вам ни к чему.

Катя была полностью согласна с милой дамой. Особенно после того, как примерила платье в розовую полоску с оборками на юбке и подушкой на попе. Наверное, эту подушку мадам и называла турнюром.

– А мне нравятся платья на кринолине. Эх, молодость!.. Я тогда носила пышные юбки из воздушных тканей... – мечтательно заметила графиня-мать.

– Сейчас это тоже в моде! А ля мод и эlegant!¹² – закивала мадам Вивьен, коверкая французские слова, из чего Катя сделала вывод, что «мадам» – всего лишь творческий псевдоним уездной швеи, роль которой играла актриса. Та же продолжала щебетать: – Хотя в Париже кринолин оставили только для бальных нарядов. Кстати, мы привезли чудесное шелковое бальное платье. Голубой цвет прекрасно подойдет к глазам юной графини. Манифйкь!

Катя обреченно вздохнула и последовала за одной из девушек за ширму примерять очередной наряд.

– Графиня Кошкина-Стрэтмор запиской сообщила, что в дороге у вас украли багаж. Гель кошемар!¹³ – театрально вскрикнула хозяйка ателье, обращаясь к Катерине. – Но все попра-

¹¹ Magnifique (фр.) – Шикарно!

¹² À la mode et elegant (фр.) – Модно и элегантно!

¹³ Quel cauchemard! (фр.) – Какой кошмар!

вимо! Я привезла вам мантилью из сукна на бархатной подкладке, две шляпки, перчатки... – принялась перечислять мадам. – Знаю, что в Париже в это время года в моде удлиненный редингот. Же си сюр¹⁴, в Санкт-Петербурге и в Москве модницы его уже носят.

Катя хотела заметить, что редингот – вот где «сюр», а в Москве в это время года носят шубы и пуховики, но помощница мадам так сильно затянула завязки на корсете, что Катерина не могла не то что говорить, а дышать. Она лишь невнятно простонала.

Мадам Вивьен цокнула языком:

– О-ля-ля! Корсет сидит чудесно. И эти розочки на лифе. Трез эпись!¹⁵ У вас фигура настоящей француженки – тонкая талия, плавная линия бедер, а грудь чудо как хороша.

– Русская у меня фигура, – прохрипела в ответ Катя и потянулась за платьем.

Она не привыкла, чтобы ее так откровенно разглядывали посторонние люди. Но и не могла не согласиться, что корсет действительно делал фигуру привлекательной.

– С такой зверской утяжкой любая женщина станет стройной, – проворчала она, когда мадам с помощницей оставили ее в покое.

– Я осмелилась привезти туфли и ботильоны, – вновь заглянула за ширму мадам, а Катя поняла, что покой ей только снится. – И журнал мод захватила. Здесь, конечно, не Париж, но тоже кое-что можем.

И мадам Вивьен всучила Кате журнал с нарисованными моделями. Девушка отметила, что на первой страничке стоит дата «декабрь 1889», и улыбнулась. Организаторы игры продумали все до мелочей. Но если с портнихой и нарядами все выглядело правдоподобно, то журнал с датой можно было подать более изящно.

После многочасовых примерок и чаепития в компании графини-матери и владелицы модного хрящевского ателье новоиспеченная Екатерина Ивановна Кошкина-Стрэтмор познакомилась с персоналом поместья. Вернее, с актерами труппы. Она лишний раз отметила, что лицедеи играют отменно, естественно, без ненужного надрыва, так часто встречающегося у провинциальных служителей Мельпомены.

Далее по плану шла экскурсия по дому. Катерина удивилась, что всего за несколько часов работники музея успели сделать перестановку в комнатах на первом этаже, принести мебель и кое-где даже переклеить обои. «Шустро они здесь работают», – восхитилась про себя Катя.

Затем она в сопровождении мисс Норы выгуляла в парке новые наряды, а чуть позже плотно поужинала в компании актрисы-графини, все той же компаньонки и вернувшегося от урядника управляющего Ермолая Кузьмича – седовласого мужчины с хитрым прищуром. После первой перемены блюд молодой графине представили дородную кухарку с добрым лоснящимся лицом, которая оказалась мастером своего дела. Катю поразили и сами блюда, и их изобилие, а еще удивили натуральные продукты. В городе таких не сыщешь: в молоко добавляют антибиотики, а в колбасу – нитрит натрия. А уж бланманже в шоколадной глазури не в состоянии приготовить даже в лучших московских ресторанах. Да модные повара не знают, что это такое!

Управляющий за десертом посетовал, что разбойников нагнать не удалось. Но уверил, что ни в горах, ни в оврагах им от нового полицейского урядника и его людей не укрыться. Да и предводителю дворянства о происшествии уже доложили, а он когда-то приятельствовал с покойным графом Стрэтмором и подобного неуважения к его родственникам не допустит. За рюмочкой наливки управляющий плавно перешел к докладу о сделанных необходимых закупках для благоустройства усадьбы. Катя разомлела, слушала вполуха и удивлялась, что за все время никто из присутствующих ни словом не обмолвился, ни взглядом не показал, что она – самозванка. Никто не задал лишнего вопроса, не попросил предъявить приглашение на квест

¹⁴ Je suis sûr (*фр.*) – я уверена.

¹⁵ Très épicé! (*фр.*) – Очень пикантно!

и не заикнулся о компенсации за ужин и за наряды. Все шло как по маслу, и Катя поняла, что с актерами она сработается. Точнее, сыграется. Если, конечно, ее на чем-нибудь не подловят и не попросят немедленно покинуть игру, правила которой она до конца не понимала. Нет, этого допустить нельзя! Катерина вновь подключилась к беседе и внесла несколько конструктивных предложений по оформлению комнат, особенно по смене интерьера в мрачной спальне графа, куда ее поселили. Управляющий тут же принял замечания в работу и, несмотря на поздний час, велел служанкам повесить в спальне новые гардины и приукрасить комнату согласно пожеланиям молодой графини. Елизавета Андреевна лишь умильно улыбалась, то и дело повторяя: «Томас будет так рад!»

– Ты, Ермолай Кузьмич, телеграмму-то в Москву дал? А то Тошенька не ведает, какой его сюрприз ожидает! – встрепенулась графиня-мать.

– А как же! Первым делом в почтово-телеграфную контору заглянул, как в Ставрополь приехал, – отчитался управляющий.

После ужина Катя вознамерилась поблагодарить «хозяев» усадьбы за прекрасно проведенный день, вернуть наряды и отправиться в гостиницу. Хорошо бы уточнить, прошла ли она отборочный тур и состоится ли продолжение игры завтра. Но графиня-мать не дала и рта раскрыть – после ужина она расцеловала «любезную Катеньку» в обе щеки, пожелала спокойной ночи и отправилась в сопровождении Норы в свою комнату. Управляющий тоже раскланялся и предложил увидеться после завтрака, чтобы ввести молодую графиню в курс дела – в основном, конечно, познакомить с остальными слугами, дать справку о соседях и парк показать. Катя согласилась, хотя этим утром она прогулялась по территории музея. Правда, ей показалось, что замок расположен гораздо дальше от часовни, усадьбу окружал внезапно разросшийся лес, а река почему-то была уже, чем ей запомнилось. Решив, что она слишком переутомилась и завтра при свете дня все окажется не так, как нарисовало ей разбушевавшееся воображение, Катерина немного успокоилась. Тем более актриса-служанка уже сопровождала ее в обновленную графскую спальню, где Катя залюбовалась розовыми шторами в мелкий бордовый цветок и многочисленными розовыми шелковыми подушками. Белоснежные ажурные салфетки скрыли мрачную древесину бюро и комода и радовали глаз. Как и милые фарфоровые статуэтки, теперь украшавшие появившееся трюмо. В шкафу и в комодке ее ожидали привезенные мадам Вивьен наряды, на столике в ванной комнате красовались многочисленные баночки с кремами и бутылочки с парфюмом, лежало пахучее мыло, а на широкой постели она обнаружила изумительную кружевную ночную сорочку. В комнате было уютно и тепло. Угля для растопки камина, в отличие от гостиницы, здесь не жалели. А возможно, в замке работала современная отопительная система, судя по трубам и чугунной батарее.

Перед сном Катя вновь попыталась дозвониться и подругам, и в гостиницу, но телефон не работал, сети по-прежнему не было. Вспомнив, что гостиница в Хрящевке оплачена на несколько дней вперед, Катерина успокоилась. До Нового года оставалось совсем немного, а до окончания отпуска чуть больше недели. Если обман не раскроется и ее не выгонят из игры, то почему бы не провести отпуск с историческим размахом? В роскошных нарядах, в окружении талантливых актеров, изображающих радушных хозяев замка и слуг, и дегустируя изысканные блюда. А завтра наверняка подтянутся остальные участники реконструкции. Одно тревожило Катю: ее вымышленный муж, граф Томас Кошкин-Стрэтмор, пока в родовом замке не появился. Интересно было бы посмотреть на актера, исполняющего эту роль. Хорошо бы организаторы представления нашли статного мужчину с интересной внешностью и желателно холостого. Можно и роман закрутить, а то после развода ее самооценка сильно упала. Как говорят французы, новая любовь вытесняет старую!

С этой приятной мыслью Катерина решила переспать. Она возлегла на графское ложе и устроилась на мягкой перине, утопая в многочисленных подушках и представляя, что она на

самом деле попала в девятнадцатый век и стала счастливой обладательницей мужа. Мужа из прошлого.

Глава 6

Конец декабря 1889 года. Москва – Самарская губерния

Казалось, с утра ничто не предвещало беды.

В этот день Томас Генрихович Кошкин-Стрэтмор пребывал в прекрасном расположении духа. Он пригласил своего друга Алексея Петровича Шубарина на поздний завтрак в один из лучших ресторанов Москвы «Славянский базар», что на Никольской. Граф Кошкин-Стрэтмор отмечал предстоящее вдовство.

– Ну и как ты решил убить несчастную супругу? – поинтересовался у друга Алексей.

– Еще не знаю, – пожал плечами Кошкин-Стрэтмор. – Пока лишь сообщил матери, что моя дражайшая жена приедет весной. Потом скажу, что давно не получал от благоверной известий. Сделаю вид, что объявил супругу в розыск. И ближе к лету поведаю матери, что жена скончалась в дороге от лихорадки, так и не доехав до границ Российской империи.

И Томас радостно отсалютовал другу бокалом.

– А Елизавета Андреевна вновь начнет подыскивать тебе невесту. И прощай наш научный кружок, – вздохнул Шубарин, покачав головой.

Он изначально не одобрял варварский план Томаса и где-то в глубине души сопереживал его матери. Хотя, положив руку на сердце, она сама довела сына до такого состояния. Открыла сезон охоты и устроила настоящую травлю. Где бы Томас ни появился, его преследовали разновозрастные невесты. Они устраивали облаву в парках, подлавливали на приемах, преследовали на балах, падая в обмороки. А неподалеку в засаде поджидали мамыши, чтобы застать бедного графа в объятиях ненаглядной дочурки, а затем отвести под венец. Как Томас изловчился и смог избежать ненавистного брака, Алексей до сих пор не понимал. И у Кошкина-Стрэтмора еще хватало терпения не дерзить своей дорогой маман. Он мужественно и стойко, с присущей ему английской невозмутимостью переносил ее выходки.

Нет!.. Все же после непродолжительных раздумий граф Шубарин пришел к выводу, что вдовствующую графиню ему не жаль. Но затею друга с фиктивным браком он все равно не одобрял.

– Не понимаю тебя, Том. Столько усилий – и ради чего? – недовольно поджал губы Шубарин, тем не менее теплые расстегаи с мясом и грибами, а также скобянку доел с удовольствием. За неспешной беседой поздний завтрак плавно перешел в обед, и друзья распили бутылку шампанского. – Все это ради фальшивой женитьбы! – продолжил возмущаться Алексей. – Сначала ты выдумал жену, теперь решаешь, как ее убить!

– Ты прав, пожалуй, оставлю ее в живых. Все-таки почти три месяца я жил спокойно. Мать меня не донимала, дебютантки наконец-то отстали. Я занимаюсь любимым делом, да и кошмары по ночам в виде внезапно появившейся супруги меня больше не терзают, – согласился с другом Томас и попросил подавальщика принести кофе с ликером. – Только нужно решить, ради кого на этот раз задержится во Франции Кэтрин? Может, выдумать больную тетушку?

– За это время ты, кажется, похоронил всех родственников своей фальшивой супруги. Да и саму ее сделал немощной. Томас, ты жесток, – хмыкнул Шубарин и сменил тему.

Он поведал другу, что решил устроить себе подарок – посетить заведение мадам Фруже и отметить Новый год там. Любовница к нему так и не вернулась, а заводить новую не было ни времени, ни сил, ни желания. А у мадам Фруже появились новые рыжеволосые танцовщицы и актрисы.

– Слушай!.. – внезапно перебил его Томас. – А может, мне тоже найти актрису, которая за хороший гонорар согласится сыграть для матушки роль Екатерины? Ей всего-то нужно

разок появиться в поместье. Ведь можно сыграть так, что жена не понравится матери, и они вдрызг рассорятся. Придется моей супруге жить в Москве, а лучше в Париже, и с матерью более никогда не встречаться!

– Неплохая идея. Но актриса может начать тебя шантажировать. Впрочем, делай как знаешь, – отмахнулся Шубарин, решив закрыть эту сложную тему. Оглядевшись и убедившись, что их никто не подслушает, он поинтересовался: – Лучше расскажи, каких успехов вы с Вольдемаром добились? Может, мне тоже к вам присоединиться? Вместе отметим Новый год. А потом из твоей Хрящевки прокачусь до родового поместья на Урале, давно пора посетить мануфактуру... Нужно выковать кое-какие детали для новой машины...

Друзья тут же позабыли о несчастной судьбе жены графа и приступили к обсуждению любимой темы. Они давно поняли, что их страсть – не женщины, а проекты и опыты. Оба полагали, что только наука может принести мужчине истинное удовольствие и ощущение полноты жизни.

После того как приятели расстались, Томас прошелся по Никольской, захаживая в магазины и лавки. Он приобрел для матери в подарок гарнитур с изумрудами, а затем заехал к модному портному. Наконец граф вернулся в особняк и думал заняться чертежами, но его планам не суждено было осуществиться.

Томасу Генриховичу передали срочную телеграмму от управляющего. В послании говорилось, что его супруга, графиня Екатерина Ивановна Кошкина-Стрэтмор, не без приключений, но все же благополучно прибыла в Самарскую губернию из самого города Парижа, тем самым намереваясь преподнести любимому мужу сюрпрайз. И сейчас новоиспеченная жена ожидает Томаса в хрящевском поместье.

Граф опешил.

Его... *кто* прибыла в поместье?!

Какая, к чертям собачьим, жена?!

Из какого Парижа?

Какой такой «сюрпрайз»?!

Кошкин-Стрэтмор решил не медлить и во всем разобраться лично. Было очевидно, что в дом пробралась аферистка.

Томас кое-как покидал вещи в саквояж и немедленно отбыл из Москвы поездом. Затем добирался на перекладных и вновь поездом. По дороге в одной из почтовых контор он дал две срочные телеграммы: одну – управляющему с просьбой встретить его на станции, а вторую – Шубарину, в надежде на то, что друг явится в Хрящевку вслед за ним и поможет во всем разобраться.

Граф Кошкин-Стрэтмор больше суток добирался до Самары. На вокзале, куда прибыл ночной поезд, его поджидал мобиль, который он заказал в одной частной немецкой мануфактуре и доработал. За рулем сидел слуга Макар, мужик местный, но рукастый и сообразительный. Автомобиль на паровом двигателе за три часа домчал графа до Хрящевки.

В полночь Стрэтмор стремительно вбежал в дом. На ходу рыкнул сонному, ничего не понимающему лакею Степану:

– Где она?!

– Кто?... Ах, если вы о Екатерине Ивановне, то она в своей спальне. То есть в вашей спальне...

Договорить слуга не успел. Граф ураганом промчался по лестнице к своим покоям.

«Эта особа уже захватила мою кровать!» – возмутился про себя Томас, проходя по коридору. Ему хотелось застать аферистку врасплох, придушить собственными руками и немедленно стать счастливым вдовцом.

Катерина сквозь сон услышала, как дверь спальни с гулким стуком ударилась о стену. Девушка приподнялась на локтях и ойкнула – в дверях она заметила высокую, плечистую мужскую фигуру. Тусклый свет из коридора падал на твердую линию подбородка, криво изогнутые губы и темные глаза. Кате даже показалось, что глаза злобно сверкали в темноте. Она открыла рот, чтобы закричать и позвать на помощь. Но мужчина разгадал ее намерения и стремительно бросился к кровати. Он прижал незваную гостью к матрасу и зажал рот ладонью.

Катя и мужчина одновременно уставились друг на друга и хором спросили:

– Кто вы?!

Катин вопрос прозвучал невнятно, ей мешала ладонь графа.

А вот Томасу ничто не мешало, он повторил вопрос и с интересом принялся рассматривать «жену». Странно, но он никогда бы не принял эту милую девушку за авантюристку. Такое прекрасное лицо, большие испуганные глаза с пушистыми ресницами. Незнакомка со страхом взирала на него и, как показалось графу, молила взглядом о пощаде. Волосы девушки мягкой волной рассыпались на подушке, под натиском его тела вздымалась девичья грудь.

«Нет ничего плохого в том, чтобы разок обнять «жену». Очевидно, что она сильно взволнованна. Стоило бы утешить ее поцелуем... прежде чем задушить...»

Пока граф рассуждал, что делать с незнакомкой, и медленно склонялся к манящим розовым губам, за спиной раздался возглас удивления. Томас обернулся и увидел на пороге спальни графиню-мать в халате и чепце, рядом толпились слуги – Степан, кухарка и компаньонка матери Нора. Слуга держал керосиновую лампу, кухарка прихватила длинную скалку, а у компаньонки в руке красовался ночной горшок. Вооружились.

Мать первой пришла в себя:

– Тоша, ты ли это?! А я испугалась, услышав шум! Думала, в дом ворвались разбойники, которые в лесу напали на нашу Катеньку!

– Прости, мама, что разбудил... – принялся оправдываться Томас.

– Я так рада, что ты смог быстро приехать! – Графиня с умилением посмотрела на сына с невесткой. – А то обычно неделями не дозовешься. Наконец-то вся семья в сборе. Теперь все будет хорошо.

Графиня Кошкина-Стрэтмор, заметив, что сын обнимает супругу, догадалась, что у молодых все сладилось. Она немедленно приказала слугам удалиться, и делегация во главе с вдовствующей графиней покинула спальню. Пожилая дама прикрыла дверь и счастливо улыбнулась. Она заметила в глазах Томаса страсть, прямо как у его покойного батюшки, когда он смотрел на жену! А это значит, скоро жди внуков...

– Полагаю, вам тоже пора покинуть мою спальню! – Катя первой опомнилась после ухода посетителей и указала мужчине на дверь.

Воспользовавшись замешательством незнакомца, она отползла на другую сторону кровати, зажгла ночник и на всякий случай схватила с прикроватного столика тяжелую антикварную вазу.

– Вообще-то это моя спальня. – Томас поднялся с постели, осмотрел покои и поморщился: – Что вы сделали с комнатой? Эти ужасные розовые гардины... А эти финтифлюшки!..

Он подошел к комоду и взял в руки нелепую статуэтку пастушка, нежно глядящего ножку своей фарфоровой подружки. Фыркнув, граф отставил сей шедевр подальше и вновь вперил грозный взор в Катю.

А Катерина уже успела взять себя в руки и заметить, что актер, исполняющий роль графа, великолепен. Пока он с интересом рассматривал статуэтку, Катя с не меньшим интересом рассматривала «мужа». Какая фактура, стать, а разворот плеч! А уж к черноволосым носатым мужчинам она всегда испытывала непонятное влечение. Но что более всего ее поразило, так это игра. Можно описать двумя словами – страсть и натурализм. Катерине в какой-то момент действительно показалось, что незнакомец готов был ее задушить. А потом она увидела, что гнев

в глазах мужчины сменился желанием. И если бы он в диком порыве набросился на нее, требуя исполнения супружеского долга, вряд ли бы она смогла отказать. Его природный магнетизм подавлял и подчинял. Катя едва заметно улыбнулась – отпуск обещал интригу и приключения. Но в то же время она понимала: сценаристы построили квест таким образом, что постоянно нужно ожидать провокации. Даже ночью. Что ж, «граф» – сильный противник. Разумеется, он будет пытаться вывести ее из игры. Но не на ту напал!

– Возможно, спальня была вашей. Но мы ведь супруги. А если вас что-то не устраивает, можете занять гостевую комнату, – с вызовом произнесла Катерина свою реплику.

Мужчина хотел было возмутиться подобной наглости, но девушка подняла вазу и предупредила:

– Не приближайтесь или я закричу! На шум опять придет ваша мать, прибегут слуги. Вы и так своим эффектным появлением переполошили весь дом!

Кошкин-Стрэтмор недовольно поджал губы и понял, что от девицы сейчас ничего не добьется. Стоит повременить, дождаться Алекса и выработать совместный план, как бороться с лжеженой. А пока он попросит слугу караулить самозванку, чтобы она не сбежала. Граф окинул девичью фигуру прощальным взглядом и судорожно вздохнул – все-таки хороша, чертовка. А эта тонкая ночная сорочка почти ничего не скрывает. Интересно, она актриса или аферистка? Речь у девицы правильная, хоть и немного странная. Приезжая штучка.

– Ну? Чего вы ждете? – произнесла новоявленная супруга, указывая мужчине на дверь.

– Надеюсь, вы не обчистите дом и не сбежите. – Граф угрожающе посмотрел на девицу: – Так уж и быть, отдохайте. Но завтра нам предстоит серьезный разговор.

– Конечно-конечно, – согласилась Катя, а про себя отметила, что в гневе мужчина прекрасен: ноздри раздуваются, глаза сверкают, темные волосы растрепались.

Она лишней раз поаплодировала директору по подбору актеров – надо же найти такого колоритного персонажа! И, кстати, с портретом графа, что висел на первом этаже, у мужчины было некое сходство. Только этот тип куда интереснее.

Томас Кошкин-Стрэтмор напоследок взглянул на девушку, отметив, как вздымается ее пышная грудь. Отчего-то граф представил, как в порыве страсти срывает сорочку, мешающую рассмотреть прелести супруги. Он тут же вспомнил, что никакой супруги у него нет, а есть опытная авантюристка, которая умело играет на его изменчивых чувствах. Дабы избежать искушения, граф, не глядя на девушку, спешно покинул комнату.

А Катя затаила дыхание, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Когда звуки стихли, она с облегчением выдохнула и поставила вазу на стол. На всякий случай она решила закрыть дверь на задвижку. Если граф вновь пожелает ворваться к ней посреди ночи, то она услышит и будет готова к сопротивлению. Хотя... что-то ей подсказывало, что с сопротивлением могут возникнуть сложности.

Катерина устроилась в постели и мечтательно вздохнула, вспоминая широкие плечи и сильные руки «мужа». С таким видным мужчиной можно и роман закрутить, а там, глядишь, и замуж выйти. Ну и что, что актер? Зато какая фактура! Сколько страсти во взгляде! Ей так хотелось забыть о болезненном разводе, вновь почувствовать себя желанной, любимой. И сейчас обстоятельства складывались как нельзя лучше. А вдруг этот граф – не актер, а такой же приглашенный гость, как и она? Может, даже друг того толстосума, который затеял всю эту историческую реконструкцию? Что ж, Кате придется играть по-крупному. Ей необходимо продумать свою речь на завтра и подготовить соответствующий наряд, чтобы у графа не было ни единого шанса на побег. В мечтаниях о новой пикировке и страстном романе Катерина не заметила, как заснула.

А в это время граф Кошкин-Стрэтмор мерил шагами гостевую спальню. Он совершенно не ожидал, что девица в неглиже вызовет у него столь бурную реакцию. Жаль, что она так отли-

чается от жены с портрета, так было бы значительно проще сопротивляться ее чарам. Эта же Екатерина оказалась настоящей русской красавицей. Да и матери девица, похоже, понравилась. Слуги тоже не насторожились и запросто впустили в дом самозванку. Стоило бы ее допросить с пристрастием, сблизиться... От этой мысли граф застонал, отправился принимать холодный душ и пообещал себе, что с достоинством выдержит общение с лжесупругой, выведет ее на чистую воду и ни при каких обстоятельствах не поддастся соблазну!

Глава 7

Конец декабря 1889 года. Поместье в Хрящевке

Во сне Катерине привиделся граф, который страстно срывал с нее одежду, обещая забываемую ночь любви. Поутру, придя в себя после волнительных видений, Катя с сожалением посмотрела на пустую постель. Вспомнив о предстоящей беседе с противником, она решительно дернула за закрепленный над кроватью золотистый шнур для вызова прислуги. Вскоре в комнате появилась круглолицая девушка Прасковья, которая помогла навести красоту, ибо со сложной прической и шнуровкой корсета Кате самостоятельно не справиться.

Охватив взором собственное отражение в зеркале, Катерина удовлетворенно отметила, что светло-серое платье чудесно подчеркивает все нужные изгибы и оттеняет цвет глаз. Что ж, в таком виде не стыдно и перед графом предстать. Пусть и вымышленным.

Актриса, игравшая роль служанки, проводила Катю в столовую к позднему завтраку, где за столом сидели графиня-мать, ее компаньонка Нора, управляющий Ермолай Кузьмич, а также новоявленный муж и еще какой-то незнакомый господин. Гости, участвующие в новогоднем историческом квесте, потихоньку подтягивались. Вот только новый персонаж Кате совершенно не понравился. Высокий худощавый черноволосый незнакомец с хищным блеском темных глаз и носом-клювом походил на ворона.

Завидев Катю, мужчины тотчас поднялись со своих мест и поприветствовали даму легким поклоном. Граф Томас, надо отдать ему должное, поцеловал жене руку и придвинул стул, предлагая занять место рядом с матерью. Катерина обратила внимание, что на мужчинах были черные однобортные удлиненные пиджаки, серые полосатые брюки и жилеты из плотного сукна. Костюмер поработал на славу.

– Знакомся, Кэтрин, это мой друг граф Алексей Петрович Шубарин, – чинно представил незнакомца Томас. – Только что прибыл.

– Так мы же знакомы, – вдруг ошарашил Катю мужчина и хищно улыбнулся.

А Катерина принялась судорожно вспоминать, где они могли встречаться с этим неприятным типом. Неужели в Москве на переговорах, когда она переводила? Или в Лондоне на тренинге в прошлом году? А может, этот Шубарин – приятель ее бывшего мужа? Этого еще не хватало!..

– Помните, графиня, – тем временем продолжил гость, – я присутствовал на вашей свадьбе три месяца назад?

Кошкин-Стрэтмор почему-то закашлялся, графиня-мать неодобрительно поморщилась, а Катя вступила в предложенную игру и язвительно ответила:

– Ох, сожалею, но что-то не припоминаю. В моей жизни за последние месяцы произошло столько событий! Сразу же после свадьбы тяжело заболел отец, потом слегла моя дорогая маман, за ней тетушка, кузен. И всем требовалось мое внимание и забота. А после я и сама перенесла инфлюэнцу. Возможно, болезнь подействовала на память.

Катя бойко перечислила всех болезных родственников, о которых ей ранее сообщила графиня-мать, и гордо вскинула подборок – пусть знают наших!

Граф Шубарин недовольно поморщился. Он явно не ожидал от Катерины подобной пикировки. Но, похоже, мужчина был прекрасным игроком, а может, и шулером. Он зловеще произнес, сверля Катю взглядом:

– Кстати, Елизавета Андреевна поведала мне печальную историю о нападении лесных разбойников. Я лично переговорю со служителями закона, преступников обязательно найдут. А когда найдут – допросят с пристрастием!

Граф произнес это таким тоном, словно лиходеи были не преступниками, а Катиными сообщниками. Катя хотела достойно ответить, но передумала. Она не станет реагировать на такую мелочь, как ядовитые замечания какого-то там ненастоящего графа. Их беседа – всего лишь игра.

Поблагодарив Шубарина за беспокойство, Катя мило улыбнулась мужу и приступила к завтраку. Особенно ее привлек пудинг в сливочной подливке. Графиня-мать рекомендовала блюда с мудреными названиями, попутно нахваливая местную кухарку и одновременно костеря ее английского коллегу, который работал в доме прежде. Катерина же, пробуя блюда, воспользовалась передышкой и оценила интерьер малой столовой. Светлая дверь отворялась на две половинки. Потолок был украшен лепниной, а стены не обиты шелком, как в спальне, гостиной и другой столовой, где она вчера ужинала, а выкрашены в нежно-салатовый цвет. По углам на постаментах возвышались вазы, на стенах висели натюрморты в золоченых рамах да бронзовые канделябры. Хозяева дома и гости сидели на элегантных стульях за большим круглым столом, выставленным в центре комнаты. В столовой не было ни кресел, ни диванов, ни шкафов, разве что у одной стены важно стоял пузатый, явно старинный буфет.

Во время завтрака дражайший супруг Томас хмурился и сверлил взглядом новоявленную супругу, а Шубарин о чем-то крепко задумался и вскоре продолжил допрос. Алексей Петрович поинтересовался, где именно в Париже жила Катя с родителями. Катерина сперва растерялась, но затем припомнила «Трех мушкетеров» и назвала улицу Вожирар, на которой обитал ее любимый Арамис.

– Вожирар? – нахмурился Шубарин.

Катя занервничала. Париж она знала в основном по книгам Дюма и Гюго, которые в оригинале заставляли читать студентов ее факультета. В самом городе Катерина была лишь однажды. То ли дело Лондон. А уж про любимую Москву и говорить нечего. Поэтому, вполне возможно, упомянутой улицы Вожирар уже не существовало.

На помощь пришла графиня-мать:

– Какая прелесть! Там же рядом Малый Люксембургский дворец и парк. Ах, мы с супругом частенько в нем гуляли!.. А еще посещали театр «Одеон»... – Графиня осеклась и бросила снисходительный взгляд на Шубарина: – Хотя оно и понятно, что вы плохо знаете те края. Вы, Лексей Петрович, небось, предпочитаете проводить свободное время на рю де Мулен?

– Маман!.. – попытался вмешаться Томас, удивленный познаниями матери.

Он-то прекрасно знал, что на этой улице находится один из роскошных борделей «Ле Флёр Бланш».

Но графиня лишь отмахнулась от сына – если он молчит и не может защитить жену, то госпожа Кошкина-Стрэтмор даст отпор высокомерному Шубарину.

– Отчего же, Елизавета Андреевна, я прекрасно осведомлен, где расположен Люксембургский дворец, ведь там заседает сенат. Просто удивлен, что молодая графиня с семьей жила на левом берегу Сены. Там в последнее время селятся буржуа, гризетки и студенты, – высокомерно парировал Шубарин.

Графиня-мать опасно прищурилась, и ее оппонент сдался, пробормотав:

– Безусловно, место там для прогулок чудесное.

Только Катя решила, что они с графиней выиграли бой, как Алексей Петрович вновь принялся за свое:

– Не могу не отметить, что у Екатерины Ивановны прекрасный французский. А Томас уверял, что и английский не хуже. Хэв ю бин ту Ландан?¹⁶

Катя лишь успела произнести «йес», как на помощь вновь пришла графиня-мать. Она пустилась в воспоминания о жизни в Лондоне, в основном ее познания касались моды тех

¹⁶ Have you been to London? (англ.) – Вы бывали в Лондоне?

лет и театральных постановок, и Томас обреченно закрыл глаза. А Катерине оставалось лишь поддакивать милой даме и благодарно улыбаться.

– Екатерина Ивановна, а еще меня поражает ваше знание русского языка. Вы ведь толком в Российской империи и не жили, – деликатно перебил графиню-мать Шубарин, вновь обратившись к Кате, которая в этот момент поднесла ко рту тончайший блинчик с вареньем из крыжовника.

Терпение Кати лопнуло. В конце концов, это завтрак или экзамен по ЕГЭ?! Ее манили мягкие булочки с джемом, манный пудинг, фрукты в нежном сиропе, а тут приходится отвечать на вопросы, заглатывая непрожеванные куски. И когда граф Шубарин поинтересовался у Катерины, как ей Москва, она не удержалась и прочла ему лекцию о достопримечательностях города, о которых этот тип, судя по вытянувшемуся лицу, слышал впервые.

– Что же вы хотите, граф? Катенькины родители русские, вот она и говорит свободно на родном языке, – отмахнулась от надоедливого собеседника графиня Кошкина-Стрэтмор. – Я вон тоже сколько лет и во Франции, и в Англии с мужем прожила, а родную речь не позабыла. И вообще, кельме ву, силь ву пле¹⁷! На этом закончим ваш допрос. Катенька еще коломенскую пастилу не отпробовала!

И женщина придвинула к Кате тарелочку с кусочками пастилы, которая разительно отличалась от магазинной и внешне напоминала пряник. На вкус пастилы оказалась божественной.

Наконец завершив мучительный завтрак в компании семьи, Катя вместе с Елизаветой Андреевной и ее компаньонкой Норой прошла в малую гостиную. Над входом виднелись венки из веточек плюща и остролиста, как подсказала ей графиня-мать. А в углу комнаты стояла живая елка, украшенная фигурками ангелов, тряпичных животных и разноцветными стеклянными шарами, расписанных вручную.

В гостиной Катя обратила внимание на знакомые портреты, что красовались над диваном. Вчера она уже их видела, когда бродила по первому этажу музея.

Перехватив взгляд невестки, пожилая дама понимающе улыбнулась:

– Тошенька не слишком удачно вышел на портрете. Художник рисовал сына, когда тот приболел – мучился несварением. Думаю, ты согласишься, мон шер, что в жизни Томас гораздо привлекательнее.

– Полностью с вами согласна, – подтвердила Катя, вспоминая привлекательное лицо мужа, когда он ночью в гневе пытался ее придушить.

На самом деле оригинал был схож с портретом, чего не скажешь о другой картине. С женой молодого графа у Катерины не было столь явного сходства. Разве что выдающийся бюст.

– Я тебя сразу признала, как возле усадьбы увидела, – улыбнулась Кате вдовствующая графиня-мать. Елизавета Андреевна покосилась на нарисованную даму и нахмурилась: – Только, Катенька, на портрете ты вышла какой-то бледной, изможденной. И художнику совершенно не удалась уши. Гель кошмар...

Графиня перехватила Катин взгляд и осеклась.

«Чего уж там, мамаша права. Девица на портрете откровенно страшная. Кошмар он и есть», – мысленно согласилась Катя, а вслух торопливо произнесла:

– В тот день, когда рисовали портрет, я, как и Томас, приболела.

Графиня Кошкина ответом удовлетворилась и от картины отвлеклась. Катя же стала размышлять над тем, чье место она занимает. Наверняка именно эта дама должна участвовать в спектакле и изображать супругу графа. Видимо, девушка опоздала, а нанятые актеры приняли Катю за нее.

И еще Катерину насторожило то, что в доме так мало гостей. Ведь до Нового года осталось всего несколько дней. Но, убедив себя, что остальные участники представления приедут

¹⁷ Calmez vous s'il vous plait! (*фр.*) – прошу, успокойтесь!

перед самым новогодним торжеством, девушка немного успокоилась. Устроившись в кресле удобнее, она принялась задавать графине и компаньонке Норе вопросы о муже, его приятелях и увлечениях. Интересно, чего ожидать от героев спектакля и как будет развиваться сюжет.

– Томас познакомился с Шубариным в Англии, они какое-то время вместе учились в колледже Богоматери Итонской. А уже в Москве продолжили знакомство и вместе с нашим тутошним соседом, графом Давыдовым, создали научный кружок... По мне, так обычная прихоть. *Le caprice des garçons*.¹⁸

И вдовствующая графиня принялась рассуждать о мужчинах конца девятнадцатого века и их странных увлечениях. Вскоре Катя узнала, что граф с друзьями якобы вели тайную разработку необычных машин и механизмов. На одном таком – безлошадном – они ездят по окрестностям. Вторую повозку используют для переправы по небу, но на это графиня спокойно смотреть не может, называя агрегат дурижабой. А еще один механизм с месяц назад разместили в заброшенной часовне.

Графиня фыркнула, заметив, что сын с друзьями таится в кабинете и в библиотеке, обсуждая свои секретные прожекты.

– А чего от меня таиться-то? Я, может, и не все понимаю в их разговорах, но слух у меня отменный! И вот что я тебе скажу, Катенька... Вместо того чтобы ухаживать за дамами и активно производить потомство, они думают только об опытах. Где же это видано? Летающая механическая птица! А еще удумали создать какую-то машину переноса. Видать, мечтают шагнуть из комнаты в Хрящевке и оказаться в московском особняке!..

Графиня вновь фыркнула, чопорная мисс Нора ей вторила, насмешливо вскинув белесые брови. А Катя не уставала поражаться полету фантазии сценариста, который смог придумать такую удивительную историю, да еще с элементами фэнтези.

Так, за беседой, дамы провели время до полудня. Граф несколько раз заглядывал в гостиную, но Елизавета Андреевна ясно дала понять, что невестку от себя не отпустит. Она и так слишком долго ждала визита ненаглядной Катеньки и сейчас никак не могла наговориться. Катя была рада такому положению дел. Ей совершенно не хотелось общаться с мужем, а особенно с его приятелем. Очевидно, что Шубарин был лучше подкован и в вопросах истории, и в вопросах науки. Кате не хотелось вылететь из игры раньше времени. То ли дело ночью. Она не сомневалась, что в это время суток ей удастся нейтрализовать мужа и перетянуть на свою сторону. Особенно в той кружевной сорочке.

За обедом Катерина решила пококотничать с управляющим, который не скупился на комплименты. Граф Кошкин-Стрэтмор злился, и Катя обрадовалась, что выбрала правильную тактику. Соблазнение шло полным ходом. Вспомнив, что утром мадам прислала коробки с нижним бельем, Катя убедила себя в том, что выяснение отношений с мужем лучше проводить в ночное время суток и в спальне. А в том, что граф сегодня вновь к ней ворвется, не было никаких сомнений. Катя то и дело ловила на себе его взгляд, полный затаенной страсти.

После обеда Елизавета Андреевна предложила мисс Норе и Кате прогуляться по парку. Удивительно, но местность, как и здание, тоже преобразилась. За верхушками деревьев купол заброшенной часовни едва просматривался, а после ухоженного парка с яблоневым садом начинался густой лес, который прежде не бросался в глаза. Графиня Кошкина тем временем пустилась в воспоминания. Оказывается, в этих краях прошло ее детство. Но отец, обедневший дворянин, отправился во Францию в поисках лучшей жизни. Увы, там его постигла болезнь многих русских мужчин – пьянство. Матери пришлось работать белошвейкой, а сама юная Лизонька поступила артисткой в труппу одного из столичных театров. Лизе повезло. У нее обнаружился талант к прыжкам и вращениям, которые как раз в те годы вошли в моду. И вскоре

¹⁸ *Le caprice des garçons. (фр.)* – Прихоть мальчишек.

Лиза Кошкина танцевала ведущие партии на лучших театральных подмостках. В Лондоне ее заметил граф Стрэтмор, отчаянно влюбился и вместо того, чтобы предложить содержание, как это пытались сделать многие аристократы до него, женился. Дворянка из обедневшей семьи, несмотря на род занятий и толпу поклонников, оказалась девушкой чистой и невинной. Радости графа Стрэтмора не было предела, и жену он боготворил.

– Мой Генри оказался порядочным мужчиной, верным, серьезным, обходительным. И разница в возрасте совсем не чувствовалась, хоть муж и был старше меня на двадцать лет. А каким он был страстным! И ведь не верил в любовь, а встретил меня и изменился. Тошенька весь в отца, – вздохнула графиня-мать и утирала слезинки, вспоминая о муже.

Нора и Катя тоже всплакнули. Правда, Катерина, вспомнив, что это всего лишь исторический квест, улыбнулась и вновь восхитилась мастерством сценариста и игрой актрисы.

До вечера Катя старалась держаться графини-матери, а после ужина составила компанию Елизавете Андреевне, ее компаньонке и управляющему, сыграв несколько партий в подкидного дурака. В десять, пожелав актерам спокойной ночи, Катя удалилась к себе. То есть в покои графа. Очутившись в одиночестве, она почувствовала, как устала. И не только от прогулок и разговоров. Длинное платье в пол было тяжелым, новые ботильоны немного жали, но особенно тяжело давалось ношение корсета. Да и шпильки больно впивались в кожу головы. Перед сном Катерина приняла ванну с розовой водой и воздушной пеной, которую ей любезно приготовила служанка. А переодевшись в кружевную сорочку и уютно устроившись в постели графа, вновь попыталась дозвониться до подруг и в гостиницу, но связи не было. Она решила после завтрака сбежать в отель и предупредить администратора, что задержится в усадьбе-музее еще на несколько дней. Глядишь, справится со всеми испытаниями, отметит с историческим размахом Новый год и получит главный приз. Жаль, что супруг помогать ей в этом не собирался. Уж полночь близилась, а Томаса все нет!

Накинув шелковый халат, Катя выглянула в коридор и расслышала приглушенные голоса, раздававшиеся со второго этажа. Слуга Макар, прикорнувший на лестнице, встрепенулся и шепотом сообщил, что у графьев важное совещание в библиотеке. Судя по звону хрустала, совещание превращалось в попойку. Катя захлопнула дверь и всхлипнула от обиды. Она ведь чувствовала, что нравится Томасу. Тогда что же он такой нерешительный? Толком за ней не ухаживает, а время-то идет! Как же ей хотелось почувствовать себя желанной и окунуться с головой в отношения с понравившимся мужчиной. Пусть эти отношения и продлятся всего одну новогоднюю ночь.

Погасив ночник, Катя легла в постель, закрыла глаза. И воображение тут же нарисовало пылкие признания и страстную ночь в объятиях графа...

Глава 8

Конец декабря 1889 года. Поместье в Хрящевке

– Что ты о ней думаешь? – поинтересовался Томас у друга.

Прятели расположились в библиотеке, дождавшись, пока дамы разойдутся по комнатам.

– Авантюристка высшей пробы, – вынес приговор Шубарин. Сделав многозначительную паузу, добавил: – Шпионка!

– Шпионка? Кэтрин?! – удивился Томас. – И что же ей от меня нужно?

– Полагаю, она охотится за нашей новейшей разработкой – машиной времени. Мне уже сообщили, что английская разведка подослала к нам своего агента. Да и французы зашевелились, но этих я пока контролирую.

– То есть ты подозреваешь, что Кэтрин – шпионка? – уточнил Томас. Он никак не мог поверить в подобное. Перед внутренним взором мелькнуло милое девичье лицо, нежная улыбка на пленительных губах, добрый лучистый взгляд. – Этого не может быть...

– Может, мой друг, может. Посмотри, какая у нее подготовка! Какое владение языком. А внешность!..

– Ля бель¹⁹, – согласился Кошкин-Стрэтмор и вздохнул.

– Том, тебе предстоит самое трудное, – скорбно произнес Шубарин и в знак поддержки сжал плечо друга.

– Устранить ее? – голос Томаса дрогнул.

Граф осознал, что не способен на подобный шаг. Не с ней, не так.

– Добиться признания любой ценой! Тебе придется ее соблазнить. Ради нашего общего дела. Я мог бы сам...

– Нет-нет! Я справлюсь! Все же она представилась моей женой, – тут же осадил приятеля Кошкин-Стрэтмор и добавил: – Но только ради общего дела.

Он прикрыл глаза и представил, как избавляет Кэтрин от одежды, как освобождает от корсета, как терзает ее поцелуями, выпытывая правду. Интересно, какое ее настоящее имя и откуда она родом? Речь как у горожанки. Но слова порой употребляет странные. А вот Москву и Париж знает плохо. Когда отвечала на вопросы Шубарина, явно путалась в показаниях и придумывала несуществующие здания. Но не актриса. Катя не жеманничает, говорит без ужимок. Эх, лучше бы она была лицедейкой или авантюристкой, которая невольно подслушала их разговор в ресторане и захотела нажиться. Тогда Томас мог бы с ней договориться, предложить откуп. А может, не только откуп, но и содержание. Поселил бы девушку в своем городском особняке, навещал бы раз в месяц или в два... Нет! Лучше раз в неделю!.. Но, увы, она шпионка. И это меняло все.

Шубарин тем временем разлил по рюмкам горькую. Кошкин-Стрэтмор в задумчивости чокнулся, но пить не стал, оставив рюмку в сторону. Он все не мог поверить, что Екатерина – профессиональная шпионка. А может, ее шантажируют и вынудили заняться этой работой? Пожалуй, Шубарин прав: сперва с ней следует поговорить, возможно, напугать, допросить с пристрастием. Но если он узнает, что девушку принудили заниматься шпионажем, то предложит ей скрыться... в своем московском особняке. Кошкин-Стрэтмор помотал головой, отгоня навязчивые мысли, и порывисто поднялся с места.

– Вот и правильно! Нечего с этим тянуть, – подбодрил его Алекс.

Томас кивнул в ответ и решительно направился в спальню. Сперва он допросит девицу с пристрастием, а там... как пойдет.

¹⁹ La belle (*фр.*) – красавица.

Катерина уже видела третий сон Веры Павловны²⁰, в котором, как и героиня, освободилась от эмоциональных и телесных оков, когда граф – непосредственный участник ее грез – ворвался в комнату, сломав на двери задвижку.

– Нам следует поговорить!

– Сейчас? – зевнула Катя и сощурилась от света лампы.

– Давайте уже прекратим этот фарс! Вы целый день бегаєте от меня, но теперь наконец-то ответите на вопросы, – грозно проговорил супруг.

Катя лишний раз восхитилась актерской игрой. Хотя на лицедея мужчина мало походил, скорее на бизнесмена или ученого, которому не чужды занятия спортом. Наверняка он готовился к квесту и брал уроки актерского мастерства. Что ж, и она не ударит в грязь лицом.

Катерина лениво поднялась с постели и встала напротив графа, понимая, что свет от лампы выгодно высвечивает ее аппетитные формы под полупрозрачной ночной сорочкой. И не без удовольствия отметила, как мужчина пристально рассматривает изгибы ее фигуры.

– Кто вы такая и чего хотите? – осипшим голосом произнес граф, не отводя взгляда от ее груди. – Только не надо врать! Мы оба знаем, что никакой графини Екатерины Кошкиной-Стрэтмор не существует!

– Ну как же не существует? – усмехнулась Катя, а бретелька сорочки так кстати соскользнула вниз, оголяя одно плечо. – Вы – граф Кошкин, я – ваша жена Катенька, которую вы прятали от матери и друзей. И, между прочим, зачем-то сделали меня немощной.

– Кэтрин или как вас там!.. – в гневе прошипел Томас и начал медленно приближаться. – Не желаете говорить по-хорошему, можно и по-плохому! Я знаю, что за игру вы затеяли, и хочу, чтобы вы исчезли точно так же, как и появились! Даже готов вам заплатить.

– Это невозможно. По своей воле я не уеду и из игры не выйду!

Катю эта странная пикировка начала утомлять. Уже давно пора приступить к поцелуям. Видно же, что мужчина дрогнул и еле сдерживается: глазищами так и сверкает, да еще облизывается, словно кот на сметану. Может, сценарий и прописан профессионалом, но и она не позволит врываться к себе в спальню вторую ночь подряд, вытаскивать из собственной кровати... ну хорошо, из кровати графа. И все зря!

– Я хочу, чтобы вы удалились! – вновь заявил граф.

Он схватил Катю за руку и, прежде чем она успела сообразить, потащил к двери, по всей видимости, собираясь выдворить из поместья в чем мать родила. Кажется, кое-кто заигрался. К подобному повороту событий Катя была не готова. Девушка уперлась ногами в ковер и зацепила бедром изящное бюро. Хрупкая конструкция не выдержала напора Катиного тела и рухнула на пол вместе с ажурной салфеткой, антикварной вазой и статуэткой пастушка и его дамы.

Граф резко остановился, и Катя, споткнувшись, уткнулась в мужскую грудь. Она прижалась к сильному телу, губы скользнули по подбородку с легкой щетиной. Мужчина напрягся, ощутив аромат нежной кожи. И непроизвольно отреагировал, сжав ладонями девичьи бедра. В порыве страсти Томас позабыл все слова заранее заготовленной речи и потянулся к манящим губам незнакомки, накрывая их жадным поцелуем. Где-то в отдалении промелькнула мысль, что, в общем-то, можно решить вопрос с выдворением лжежены и завтра, а сегодня последовать совету Алекса и воспользоваться правом супруга, то есть допросить с пристрастием. Раз уж все так сложилось. Да и девушка, судя по всему, не возражала и пылко отвечала на поцелуй. А когда она дотронулась пальчиками до его груди, расстегивая пуговицы на жилете, Томас обзумел. Он уже был не в состоянии связно мыслить. Тело требовало лишь одного: немедленной разрядки. Граф подхватил жену на руки и понес добычу на кровать. На задворках сознания еще теплилась здравая мысль, что девицу стоило бы немедленно отпустить, а самому бежать...

²⁰ Из романа Н. Чернышевского «Что делать?»

Но неожиданно он зацепился ногой за упавшую с бюро фарфоровую статуэтку, и его колени подогнулись. Вместе с женой он рухнул на широкую постель, накрывая соблазнительное тело своим. Томас сошел с ума от чарующих форм и нежного цветочного аромата. Все же эта то ли авантюристка, то ли шпионка его околдовала. Как сопротивляться, если девичья грудь так манит, сладкие губы призывно улыбаются, а невинные глаза смотрят с таким восхищением, словно он – герой-освободитель? Томас Генрихович и сам не заметил, как начал нетерпеливо освобождать новоявленную жену от тонкой кружевной сорочки и покрывать поцелуями молочную кожу.

Катя тихонько постанывала под напором жадных губ мужа и убедилась, что на роль графа подобрали страстного мужчину. Интересно, сцена соблазнения была прописана в сценарии или это импровизация? На секунду она засомневалась, правильно ли поступает. Ведь они практически незнакомы. Но когда муж окончательно освободил ее от одежды, стало не до размышлений. Через неделю она уедет и будет с ностальгией вспоминать эту зимнюю эротическую фантазию. А пока... Пока Катя сосредоточилась на губах и руках любовника. Он уже успел избавиться от собственной одежды, и Катерина отметила, что граф чудесно сложен. И явно одичал без женского внимания, раз так быстро действует. Мужские губы вновь накрыли ее рот, широкая ладонь уверенно легла на бедро, и Катя всхлипнула от наслаждения. Вскоре мужчина совершенно беззастенчиво ласкал ее, и Катерина потеряла всякую способность связно мыслить. Граф оказался изобретательным любовником. А может, до этого у нее был совсем не изобретательный муж. Хорошо, что уже бывший.

Под утро, обессиленная от любовной лихорадки, Катерина покоилась на широкой мужской груди. Граф смотрел на жену, словно сытый волк. Но вскоре его взгляд потемнел, и Катя поняла, что волки сытыми не бывают. На прелюдию, как и на разговоры, у них не осталось сил, поэтому муж сразу перешел к активным действиям. На последних аккордах его лицо исказилось страстью, он хрипло выкрикнул: «Любовь моя!» – а вскоре уснул, крепко прижимая Катю к себе. После подобных откровений, получив сказочное удовольствие от близости, Катерина расслабилась и умиротворенно заснула на плече мужа, решив для себя, что мимолетный роман ее теперь не устроит. Такого мужчину отпускать никак нельзя.

Глава 9

Накануне нового 1890 года. Поместье в Хрящевке

«А поутру они проснулись – кругом помятая трава...»

Катерина вспомнила строчки из русской народной песни, обнаружив смятые простыни и пустую постель. Граф уже покинул спальню, и стало как-то обидно. После бурной ночи и страстных объятий ни тебе утреннего поцелуя, ни чашечки кофе в постель. Неужели мужчина оказался актером и соблазняет всех участников игры? Вернее, глупых участниц. Смахнув одинокую слезинку, Катя с остервенением дернула за золотистый шнурок и вызвала служанку. Приняв ванну, она принарядилась в новое платье и спустилась в столовую. Увы, завтрак пришлось в одиночестве, ибо проснулась Катя поздно, а графиня дала распоряжение слугам молодую госпожу не будить.

Почему-то блюда сегодня не вызывали прежнего восторга и даже горчили. Аппетита не было.

После завтрака здоровый лохматый детина, играющий роль лакея Макара, проводил ее в библиотеку, где на цветастом диване среди многочисленных подушек устроилась графиня-мать. Ее компаньонка мисс Нора читала вслух французский роман о любви молодой дамы и хозяина поместья, который соблазнил неискушенную в подобных отношениях деву, а наутро повел себя некрасиво, то есть руку и сердце не предложил. Елизавета Андреевна утирала слезы и охала, надеясь на счастливый конец. Катя отчего-то почувствовала себя на месте героини, осознав, что ночь любви и для ее графа была всего лишь мимолетной интрижкой. Его утренний побег больно ударил по Катиному самолюбию. Все же она слишком увлеклась игрой и придумала себе невесть что. А любовник после бурной ночи даже не зашел к ней и не перемолвился словечком. Наверняка интимная сцена не была прописана в сценарии, и партнер взял инициативу на себя, о чем утром пожалел.

Катя вздохнула на том самом месте, где книжный герой сообщил девушке, что они не пара, и предложил уехать. Роман грозил закончиться трагедией, бедная девица покинула поместье с разбитым сердцем. Катя решила, что и ей пора возвращаться в гостиницу. Она все равно не понимала, в чем суть игры и какова ее роль в этом историческом квесте. Лучше оставить приятное воспоминание о чудесно проведенном отпуске и об одной прекрасной ночи с незнакомцем, чем дальше встречаться с мужчиной своей мечты, который ничего к ней не чувствует. Вероятно, за новогодним столом соберутся остальные участники представления, с которыми Кате так и не удалось познакомиться. Может, приедет та девица, за которую приняли Катерину. Вот пусть она и развлекает графа! Отчего-то эта мысль причиняла Кате боль, она прижала руку к груди и сдавленно произнесла:

– Что-то здесь душно. Пойду пройдуся по парку.

– Иди, мон шер, прогуляйся. Уверена, Томас присоединится к тебе, – с умилением произнесла пожилая женщина.

Катя очень сомневалась, что граф соблаговолит отправиться вместе с ней на прогулку. «Очевидно, продумывают с Шубариным, как вывести меня из игры», – вздохнула про себя Катя и вышла в холл. Слуга в канареечных панталонах подал ей шубку. Мантилья из сукна на рыбьем меху, предложенная хрящевской швеей, доверия не внушала. А вот от бархатной шляпки с нарядными шелковыми лентами Катя не отказалась. Потерянная и несчастная, она направилась от дома по дорожке, ведущей мимо замерзшего пруда к заброшенной часовне. А там и до села с гостиницей недалеко.

Катя уже огибала пруд, когда с другой стороны парка показались граф и его друг. Высокие, темноволосые, элегантные, как роули, в удлиненных черных пальто с пелеринами и цилин-

драх, мужчины идеально вписались в эпоху. В руке Шубарин держал трость, и Катя удивилась: «Нога у него, что ли, болит?» Но судя по тому, как прытко Алексей Петрович побежал к ней, поняла, что трость служит предметом украшения. Выпендрейчик!

Шубарин уже подскочил к Кате и довольно фамильярно схватил за руку.

– Вы могли обмануть Елизавету Андреевну и слуг, – прошипел он. – Возможно, Томас сошел с ума от ваших прелестей. Но я-то вас вижу насквозь! Вы иностранная шпионка! Признавайтесь, на кого вы работаете? С какой целью проникли в дом? Что вы уже успели разнюхать про наш научный кружок?..

Катя опешила. Кажется, кое-кто переигрывает. Что-то ее утомила вся эта историческая реконструкция. И актеры, и гости, которые втягивали в безумное представление, – все стало слишком навязчивым. А особенно ей стало обидно от безучастного поведения Томаса, игравшего роль графа. Это больно било по женскому самолюбию. Она посмотрела на мужа, который позволял другу так бесцеремонно кричать на женщину, и горько усмехнулась. Нет, устраивать сцен Катя не собиралась, – лишь достойно доиграть эту партию и гордо удалиться с подмостков.

– Алексей Петрович, будьте любезны, отпустите мою руку. Вы делаете мне больно. И прекратите так кричать. Это моветон. А вы, Томас Генрихович, – обратилась она к подошедшему мужу, – даже не пытаетесь защитить меня от несправедливых нападков друга! А ведь по сценарию я ваша супруга, и мы должны действовать сообща.

Катя вырвалась из цепких рук Шубарина и с вызовом посмотрела на графа Кошкина-Стрэтмора. Она ждала от него хотя бы признаний, пусть и не действий. Но мужчина отвел взгляд. Молчание становилось тягостным. Уже не скрывая проступившие на глазах слезы, Катерина выкрикнула ему в лицо:

– Можете не переживать! Я ухожу, как вы того и желали!

– Кэтрин, послушай меня... – Томас наконец-то приблизился к девушке и приобнял за плечи.

В его взгляде Катя различила жалость. Она понимала, что пошла на поводу у собственных страстей. Но ей так хотелось любви. Так хотелось сказки. Ей казалось, что после этой волшебной ночи все ясно без слов. Глупая она, глупая. Утром предавалась несбыточным мечтам о том, как мужчина попросит ее остаться с ним, как признается в том, что он и есть организатор исторической реконструкции. А может, уговорит стать соавтором. Ведь она не лишена фантазии.

Но граф посмотрел на нее печальным взглядом и тихо прошептал, очевидно, чтобы не расслышал друг:

– Кэтрин, мне так жаль. То, что произошло между нами, было ошибкой. Я не знаю, кто ты и с какой целью проникла в поместье. Но я хочу дать тебе шанс. Уезжай! Ни я, ни граф Шубарин не станем тебя преследовать и обвинять в шпионаже. Просто позволим тихо исчезнуть. Я даже выдам тебе щедрое вознаграждение, чтобы ты больше этим не занималась...

Катя вырвалась из объятий графа и отблагодарила благодетеля громкой пощечиной.

И напоследок бросила ему в лицо хлесткие слова:

– Вы либо сумасшедший, либо глупец! Мне ничего от вас не нужно! Я ведь думала, что между нами действительно возникли чувства. Но, видимо, любовь с первого взгляда бывает только в глупых женских романах.

Катерина всхлипнула и побежала по дорожке, стараясь очутиться как можно дальше от графа и его друга. Она слышала, как Томас кричал ей вслед:

– Кэтрин!.. Подожди!.. Давай все еще раз спокойно обсудим...

Нет! Она больше не желает его видеть. И ведь она с самого начала понимала, что все это игра. Но почему-то поведение графа показалось обидным. Ночью, упиваясь поцелуями и откровенными ласками, он не считал это ошибкой. А сейчас, видите ли, решил выкинуть ее из игры и из своей жизни!

Катя добежала до конца аллеи, юркнула за ворота и, спустившись с пологого холма, тропинкой направилась к видневшимся вдали жилищам.

Странно, но в Хрящевке она ничего не узнавала. Откуда-то выросли, словно грибы после дождя, аккуратные разноцветные двух— и трехэтажные домики с железными зелеными крышами, внезапно появилась белоснежная церковь с золотым куполом, куда-то исчезли советские серые строения, а дорогу вместо асфальта покрывала брусчатка. В селе, которое теперь больше смахивало на маленький провинциальный и уютный городок, все выглядело иначе, чем она запомнила.

Наконец Катя вышла на центральную улицу и отправилась на поиски гостиницы. Она вспомнила, что оставила в музее сумку с документами, ключом от номера и телефоном, схватив из рук лакея только шубу. Прочая одежда осталась в графской спальне. Сейчас на ней было надето позаимствованное платье из тонкой шерсти и с кружевной отделкой, ботиночки на изящном каблучке, перчатки и шляпка по моде конца девятнадцатого века. Что ж, придется вернуть реквизит с запиской и попросить кого-нибудь забрать ее вещи. Но в поместье графа она больше не вернется.

Катерина брела по улице, а навстречу ей шли мужчины и женщины, наряженные, как и она, в старинную одежду. На незнакомке, которая прошла мимо, было надето длинное приталенное пальто с меховым воротником. Шляпка, венчающая высокую прическу, напоминала по форме ту, что была на Кате. Неужели и в селе проходит исторический квест, а жители rozdелись для новогоднего представления в стиле девятнадцатого века? Катерина заозиралась, разглядывая дома, и застыла на месте. Этого не может быть! Организаторы не смогли бы все перестроить за такой короткий срок. И на декорации не похоже. В доме, где еще два дня назад был магазинчик с сувенирами, сейчас находилась пекарня. Из нее вышел дородный горожанин в длинном пальто и шляпе-котелке, хрустя бумажными пакетами с ароматной выпечкой. А в лавку юркнул невзрачный тип, отчего-то показавшийся Катерине знакомым. Лица она не разглядела – мужчина в этот момент отвернулся, да еще надвинул на лоб котелок. Вроде бы они виделись в поместье. Впрочем, сейчас это неважно. Главное найти гостиницу и отправить кого-нибудь за своими вещами в музей...

Секретный агент Смит наблюдал за супругой графа и хмурился. С самого начала девушка показалась ему подозрительной. Пришла из ниоткуда, рассказав нелепую историю о нападении разбойников. Да и граф был не особо рад появлению жены. Что-то здесь нечисто. Сам Смит несколько месяцев назад устроился на работу в поместье лакеем. Увы, он не смог заполучить должность личного слуги графа, как и не сумел расположить к себе старую графиню. В результате выше первого этажа не поднимался, подслушать, о чем говорят хозяева в кабинете, библиотеке и в гостиных, не получалось, поэтому к выполнению задания не приблизился ни на шаг. Но сегодня удача повернулась к нему лицом! В парке ему удалось услышать окончание разговора графа с другом, из беседы стало ясно, что уникальная машина существует! Правда, агент пока не понял возможностей этого агрегата – печатает ли машина деньги или это секретное оружие. Но не его дело размышлять. Военное министерство великой страны заинтересовалось научными разработками аристократов из Российской империи, и специально агенту Смигу предстояло раздобыть схемы и расчеты. Всего-то нужно было покопаться в бумагах графа, пока тот развлекался в московском особняке. Но так некстати в замке появилась супруга хозяина и спутала тайному агенту все карты. Кажется, француженка. Неужели конкурентка?

Смит решил за ней проследить. Он еле отпросился у управляющего, и теперь битый час кружил по улицам этой богом забытой Хрящевки, прячась в подворотнях и следуя за графиней. Смит догадался, что она не та, за кого себя выдает. Ни манер, ни утонченной внешности, речь странная. Да и не пристало знатной даме расхаживать по улицам одной, без экипажа и без компаньонки. Агент Смит затаился в пекарне, делая вид, что выбирает крендель, а сам

наблюдал, как госпожа ищет какой-то дом. Значит, в городе у нее имеется сообщник. Агент решил без промедления связаться с начальством и обо всем доложить. Он не может упустить чертежи, тем более отдать их французам. Ведь на те деньги, что ему обещали за сведения об опытах графа, Смит предполагал купить особняк.

Катерина наконец-то обнаружила дом, где должна находиться гостиница. И замерла. Строение было то же, только в окнах первого этажа виднелись шарфы и шляпки, а на фасаде широкая маркиза сообщала, что здесь расположено модное ателье мадам Вивьен. Позади раздался грохот, и Катя отпрянула с мостовой. Обернувшись, она увидела конный экипаж. В конце улицы заметила еще одну повозку, запряженную лошадьми. А из подворотни выбежал мальчишка в сюртучке, кепке и длинном шарфе. Размахивая газетами, он выкрикивал нехитрый призыв о покупке. Катя остановила юного продавца и взглянула на газету с названием «Ставропольский вестник». А заметив дату, обомлела. 31 декабря 1889 года. Неужели весь город подрядился на такое грандиозное представление? Это ж какие расходы! Костюмы, экипажи, магазины и даже газеты? Только что делать с постройками? Не могли же организаторы за несколько дней переделать все здания в городе и построить новые?

Отказавшись от газеты, Катя зашла в ателье. Вместо стойки администратора гостиницы и дивана в помещении находились прилавки с тканями, лентами, платками и перчатками. Пока она пыталась разгадать тайну исчезнувшего отеля, швея, которая три дня назад помогала мадам подгонять платья по фигуре, поинтересовалась у графини, что бы ей хотелось примерить. Катерина уже собиралась спросить девушку о том, куда перенесли гостиницу, как из соседней с залом комнаты вышла мадам Вивьен. Дама, может, и удивилась внезапному визиту молодой графини, но вида не подала.

– Рада вас видеть! Я могу вам помочь? – обратилась мадам.

– Я зашла... зашла поинтересоваться... – промямлила Катя, обмахиваясь шляпкой. И решила: – Скажите правду! Здесь снимают кино? Или проходит историческая реконструкция?

– Кино? – искренне удивилась мадам Вивьен, а затем приложила ладонь к Катиному лбу. – Дорогуша, вы бредите! У вас горячка!

– Где мы? Какой сейчас год? – не сдавалась Катя.

– Вы в селе Хрящевка Самарской губернии, рядом поместье Кошкиных-Стрэтморев, в котором вы проживаете. Мон шер, неужели вы потеряли память? – охнула мадам. – Графиня, позвольте, я вызову лекаря и пошлю за вашим мужем...

– Нет-нет, мне нужно в гостиницу, – возразила Катя, поймав на себе жалостливый взгляд женщины. Та, наверное, приняла ее за сумасшедшую.

– Гостиница через два дома, – подсказала мадам. – Вас проводить?

– Я сама... – Катя направилась к выходу, но ее окликнули?

– Вы же прибыли в экипаже? Я распоряжусь, чтобы вам отдали картонки с обувью, что вы заказали по каталогу, – предложила хозяйка салона.

Катя не могла признаться, что пришла пешком, и рассеянно пробормотала:

– Позже... Я вернусь за покупками позже...

Удивленная подобным поведением, мадам проводила графиню к выходу, напомнив о растрепавшейся прическе и шляпке в руках. Но Катерине было не до приличий. Она выбежала на улицу растрепанная, с жадностью глотала свежий морозный воздух и пыталась прийти в себя.

Как и сказала мадам, через два дома Катя обнаружила в краснокирпичном особняке постоянный двор. Но ничего общего с тем местом, где она сняла номер несколько дней назад, это заведение не имело. А когда очередной конный экипаж пронесся мимо, Катя вдруг осознала – это не историческая реконструкция и не игра! Это реальность, в которую она попала каким-то непостижимым мистическим образом.

Глава 10

Накануне Нового 1890 года. Хрящевка

Катерина потерянно брела по дороге, всматривалась в незнакомые жилища, разглядывала наряды сельчан: от элегантных до самых простых. Заметив деревянный помост, на котором разворачивалось потешное представление, от неожиданности споткнулась. От падения ее удержали.

Граф Кошкин-Стрэтмор подхватил девушку на руки и, не терпя возражений, понес к экипажу, который ожидал их неподалеку.

– Прости меня, Катя. Я виноват перед тобой. Это я довел тебя до такого состояния. Ты даже экипаж не взяла, не потребовала вознаграждения, предпочла сбежать от меня. Опытные шпионки так себя не ведут.

– А я неопытная... – огрызнулась Катерина и всхлинула.

В тепле салона, прижавшись к широкому плечу графа, она вдруг горько разрыдалась. В голове все смешалось: будущее, прошлое, воспоминания, рассказы Елизаветы Андреевны... Томас, по всей видимости, оказался настоящим графом, а она попала в девятнадцатый век. Что же ей теперь делать и как вернуться домой?

Мужчина прижимал девушку к себе, утирая слезы и целуя щеки. А Катя, всхлипывая, призналась:

– Я ведь думала, что это представление, а вы актеры... А ты... Кто ты?

– Тринадцатый граф Стрэтмор к твоим услугам. – Мужчина обхватил Катину лицо ладонями и спросил: – А кто ты? Прошу, только не лги! Скажи мне правду, какой бы горькой или странной она не была!

– Я Катя Круглова. Из Москвы. Не знаю, как тебе объяснить... И не понимаю, как такое могло произойти... – Катерина запнулась, но все же решилась на откровенность: – Кажется, я попала...

– Куда попала? – уточнил граф.

– К вам попала. В прошлое! Из своего двадцать первого века в ваш девятнадцатый. Понимаешь, я гуляла по территории музея, а потом вошла в заброшенную часовню... – Катя говорила сбивчиво, но граф ее внимательно слушал и не перебивал. – Там была маленькая комнатенка, а на стене висела астролябия или похожий механизм с колесиками и стрелками... Я точно не знаю, что именно произошло. Я увидела странное свечение, потом был туман, стало душно... А когда вышла из комнаты, то обнаружила сундуки и провода. И все вокруг выглядело иначе. Но я не сразу это осознала. Я ведь предположила, что началось представление, то есть историческая реконструкция. У нас есть такая игра в двадцать первом веке: с переодеваниями в костюмы согласно исторической эпохе. Я приняла тебя за актера, который решил поразвлечься...

– Неужели я похож на актера? – недовольно нахмурился граф.

Катя пожалала плечами, а про себя подумала, что на актера, который снимался в ее любимом сериале, очень даже похож.

– Ну, актер всяко лучше, чем шпионка или сумасшедшая. Понимаю, тебе в это трудно поверить, но я, как бы это лучше сказать... Путешественница во времени.

Граф порывисто прижал Катю к себе, а в его голосе она уловила восторг:

– Я тебе верю! Ты – моя... моя путешественница, которую доставила ко мне машина времени... Нет! Сама судьба!

Катя счастливо хихикнула. Кажется, ей повстречался романтик и такой же сумасшедший, как и она сама. Ну кто еще поверит в ее рассказы?

– Звучит привлекательно. Только машина времени – это из области фантастики.

– Нет, Кэтрин, это из области науки, – обиженно заметил граф. – Мы с друзьями изобрели волновую машину перемещений во времени. Просто не думали, что наш эксперимент даст такой результат.

И Томас, лаская Катю взглядом, нежно коснулся ее щеки.

– Так вы на самом деле проводили в той часовне эксперимент с перемещением во времени? – удивилась Катерина, припоминая откровения Елизаветы Андреевны. – Значит, это не случайность?

– Это научный опыт. Мы давно его задумали, работали над расчетами, а несколько месяцев назад начали эксперименты по перемещению объектов... – терпеливо объяснял граф.

– Так твоя мать говорила правду? Ваша безумная тройца: ты, Шубарин и какой-то Давыдов – ученые? И вы намеренно вытаскиваете порядочных девушек из своего времени, а потом сами же обвиняете их в шпионаже?! – Катя надула губы и попыталась вырваться из объятий графа.

Но Томас не отпустил. Этот экспериментатор довольно улыбался.

– Чему ты радуешься? – возмущалась Катя. – Я тут застряла! Одна, в чужом времени, без средств к существованию! А ну-ка, живо возвращай меня домой!

– Не получится, – покачал головой граф, но сожаления в его голосе Катерина не уловила.

– Почему это не получится? – удивилась она, но тактику сменила: от угроз перешла к уговорам: – Тошечка, родненький, ну пожалуйста, верни меня в двадцать первый век!

Она прильнула к широкой мужской груди. Граф лишь сильнее прижал девушку к себе, но на уговоры не поддался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.